

Елена Чутская

Страсти
по
Магдалине

16+

Елена Чутская

Страсти по Магдалине

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Чутская Е.

Страсти по Магдалине / Е. Чутская — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-98444-8

Ее имя многие пытались очернить и предать забвению, но оно сохранилось в веках и стало легендой. Ее любовь породила веру, которая дала надежду угнетенным и обездоленным, подняла с колен даже рабов. Ее значимость во всей этой истории можно и приуменьшить, но позабыть имя этой женщины уже невозможно никогда... Мария Магдалина. Кто она? Прекрасная соблазнительница, порочная женщина, наивная простушка, кающаяся грешница ? Что мы знаем о ней? Ничего...

ISBN 978-5-532-98444-8

© Чутская Е., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

1.	6
2.	9
3.	13
4.	18
5.	23
6.	31
7.	37
8.	42
9.	48
10.	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Елена Чутская

Страсти по Магдалине

«— Помилуйте, — снисходительно усмехнувшись, отозвался профессор, — уж кто-кто, а вы-то должны знать, что ровно ничего из того, что написано в евангелиях, не происходило на самом деле никогда...

(Из беседы профессора Воланда с Берлиозом на Патриарших прудах. М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита»)

*На ложе моем ночью искала я того,
Которого любит душа моя, искала его
И не нашла его.
Книга Песни Песней Соломона. Гл.3 ст.1*

1.

Возле каменного колодца, прислонившись к придорожной ограде, сидел нищий старец. Он приходил сюда каждое утро в надежде, что кто-нибудь подаст ему кусок лепешки или горсть сладких фиников. Его тело давно покрылось гнойными язвами, волосы под повязкой на голове сбились в грязный ком, а ветхий балахон превратился в рваное до лохмотьев рубище, едва державшееся на костлявых плечах. Временами он сидел тихо, поджав под себя ноги, раскачиваясь, словно маятник, из стороны в сторону. Временами что-то бормотал под нос – то ли проклятья, то ли молитву – закатывая глаза кверху так, что виднелись лишь желтоватые белки гнойных глаз, но уши его не пропускали ничего: ни звука, ни шороха, ни слова.

Старик вытягивал черные худые ноги под палящее солнце, а голову прятал в тени густо разросшегося дикого винограда, который прочно обвил лозой каменный грот. По желтым замшелым камням откуда-то из глубины этого грота приглушенно сбегал ручей родниковой воды и с небольшой высоты падал в колодец. Серебряные брызги звонко отскакивали в стороны от скользких камней, и несколько капель, долетая до старческой головы, прохладой орошали лоб и виски. Бродяга с жадностью подставлял под живительную влагу морщинистое лицо, для верности высовывал черный язык и проворно ловил им редкие капли.

Из-за угла ограды показались две женщины. Та, что моложе, шла быстрым, легким шагом, другая едва ее догоняла. Обе спешили к колодцу за водой и громко разговаривали на ходу. Уловив близкое движение, старик тут же оборвал несвязное бормотание и весь превратился в слух, продолжая равномерно покачиваться из стороны в сторону.

– Ну, куда ты так спешишь, Рахиль? – взмолилась пожилая женщина. – Я едва поспеваю за тобой. Видишь, чуть дышу. Остановись хоть на минутку.

– Не могу, уважаемая Сиде. Матушка приказала мигом принести чистой воды из колодца для отца и брата. Они вернулись из Тивериады, рассказывают такие удивительные вещи. Я ничего не хочу пропустить. Потом от матери ничего не добьешься. У нее один разговор: «Не твоего ума дело, не твоего ума дело».

– Но, Рахиль, красавица моя, – женщина пошла на хитрость, восхваляя косоглазую дурнушку. – Расскажи хоть то, что уже услышала. Твоя мать и вправду такая скрытная. А я ведь вдова, откуда мне знать, что на земле творится. Одна надежда на соседок. На тебя, моя голубица.

– Хорошо, – сдалась Рахиль.

Женщины быстро поставили под струю чистой воды кувшины и присели возле колодца прямо на камни. Ни одна не взглянула на нищего старца, не подала куска хлеба, а он и не просил, только притаился и перестал дышать, ловя каждое слово.

– Отец рассказывал, – торопливо начала Рахиль, – что из-за озера к нам мессия пришел. . .

– И-и-и. . . важность какая, – тут же перебила ее Сиде, всплеснув руками. – Мессия! Да этих блаженных на год по десятку к нам ветром заносит. С ума все сошли. Ждут прихода, а кого, и сами не знают.

– На этот раз, говорят, точно он, – обиделась девушка. – Не хочешь слушать, я пошла. И кувшин мой уже набрался, – она резво вскочила с камня.

– Подожди, дочка, – испугалась Сиде, схватила Рахиль за руку и притянула обратно на камень. – Не обижайся на старую женщину. Рассказывай, прошу тебя. Я больше слова не скажу.

– Ну, ладно же, – согласилась девушка. Ей и самой хотелось посплетничать. – Только быстро, а то матушка ругать будет. Так вот, говорят, мессия этот из мертвых воскрешает, калек и больных лечит одним только прикосновением. Бесов из одержимых изгоняет, так они его боятся. И люди говорят, кого он излечил, следуют за ним повсюду и его учение проповедуют. Вроде пророками их называют. Уже сто человек набралось.

– Да ну, глупости какие, – не сдержалась опять Сиде, отмахнулась от молодой соседки рукой. – Такую толпу, попробуй, прокорми. Есть-пить они что будут в дороге? Сама подумай, Рахиль. Сказки все это.

– Да, нет же. Мессия сам их кормит, – с воодушевлением продолжила девушка. – То один хлеб на всех поделит, то рыбу.

– Ой, Яхве милостивый! – уже совсем не выдержала старая женщина. – Сколько лет на свете живу, таких небылиц еще не слышала. Как можно одну лепешку на сто человек поделить? О, Яхве! Яхве! Глупости какие...

– Не глупости, почтенная Сиде. Так отец рассказывал. Я своими ушами подслушала.

– Значит и отец твой небылицы рассказывает уважаемым людям. И как ему только не совестно голову морочить...

Соседки быстро поднялись и отряхнули одежду от пыли. Обе остались недовольны: одна, что ей не верят, другая, что потратила время на пустую болтовню с глупой девчонкой. Бродяга возобновил заунывную песню и протянул руку в сторону мимо проезжающей повозки, запряженной ослом. Возница из сострадания бросил в серую пыль ломоть лепешки.

– Возблагодарит тебя небо за щедрость твою, – проговорил старик и тут же стал рвать хлебную мякоть черными зубами и медленно пережевывать.

Женщины презрительно смотрели на его страшные язвы и боялись приблизиться к кувшинам.

– Уже пятый за неделю, – тихо проговорила Сиде. – Повалили к нам в селение, как горох из дырявой торбы. И тоже все про какого-то мессию говорят. Ждут его, ищут. Надеются, что он их вылечит. Горемыки... а страшные какие. Только заразу по земле разносят. Гнать таких надо...

Но она не договорила. К колодцу подошла богато одетая женщина, на ее руках горели золотые браслеты. Соседки молча посторонились, уступая место, но незнакомка, не обращая ни на кого внимания, достала из складок хитона маленькую чашу и протянула под струю воды. Чаша была изящная, с изогнутой ручкой, чеканная замысловатым рисунком. «Неужто золотая?» – подумала Сиде, а вслух сказать побоялась, только слегка толкнула соседку под локоть, мол, гляди и запоминай. Но Рахиль и так уже стояла, открыв рот от изумления, позабыв и про свой кувшин, и про угрозы матери. Даже старец перестал жевать и, придвинувшись к колодцу, зачарованно смотрел на яркие, играющие по камням колодца солнечные блики, отраженные от великолепного сосуда.

– Мессия идет! – выкрикнул старик. – Он уже рядом!

От неожиданности все женщины вздрогнули разом. Чаша чуть не выскользнула из рук незнакомки. Она внимательно всмотрелась в лицо старика.

– Что ты хочешь сказать мне, несчастный? – голос женщины звучал вкрадчиво и тихо. Она сделала шаг, но увидев гнойные язвы, отступила назад. Полуслепые глаза старца раскрылись еще больше, взгляд прояснился. Он отыскал ту, которая не побоялась с ним заговорить. Затем долго рассматривал красивое женское лицо и чему-то улыбался.

– Ты обретешь счастье, Саломея. Любовь, – тихо проговорил старик. – Эта любовь затмит для тебя весь мир. Но ты ее очень быстро потеряешь... да, да, очень быстро потеряешь, потому что он не для тебя одной, он для всех нас...

Увлеченная загадочной речью женщина наклонилась к лицу старца.

– Кто он, скажи? – произнесла шепотом. Бродяга только закачал головой.

– Не знаю, не знаю, – голова его тут же поникла, взгляд потух.

Она выпрямилась, с нескрываемым сожалением сжала губы и, выплеснув из чаши воду, положила ее на голые ноги старца.

– Возьми, а то тебе и воды никто не подаст, – мрачно взглянула в сторону перепуганных женщин.

– Постой, постой! – старик схватил чашу и спрятал на груди под лохмотьями. – Он уже рядом, он близко. Найди его, Саломея. Слышишь, найди...

Незнакомка только кивнула головой, запахнула хитон и быстрыми шагами скрылась за поворотом улицы, как будто ее и не было вовсе.

– Кто эта странная женщина, старик? – Сиде мгновенно набросилась на бродягу. – Ты ее знаешь? Почему она отдала тебе такую дорогую вещь?

В словах звучала угроза. Бродяга почувствовал, что нужно убираться подобру-поздорову как можно скорее. Он схватил обломанный посох, подобрал свободной рукой подол рубища и заковылял вдоль забора в другую сторону. Испуганно оглядываясь и отмахиваясь рукой от незримого преследователя, к груди старик прижимал бесценный подарок, боясь обронить по дороге. Соседки долго смотрели ему вслед, затем подхватили полные до краев кувшины и разошлись по домам, спеша поскорее рассказать все увиденное домочадцам...

– Мириам, где ты так долго была? – девочка проснулась, когда женщина села в крытую повозку и по неосторожности нечаянно задела босые ножки.

– Не бойся, Сарра, это я.

– Я вижу, что ты, – девочка проснулась окончательно, потеряла заспанные глазки и, обхватив женщину тонкими ручонками, звонко поцеловала в щеку, прижалась к родному теплу. – Я спрашиваю, где ты так долго ходила? Принесла обещанные сладости?

Мириам вспомнила, что хотела зайти на базаре в лавку, но после встречи у колодца все смешалась в ее голове.

– Ты бледная, очень бледная, сестренка, – печально проговорила Сарра. – Ты чем-то напугана или расстроена. Меня опять никто не захотел взять к себе в дом, да, Мириам?

– Не болтай глупости, девочка. Ты голодна, Сарра, а я забыла зайти в лавку. Яруф! – позвала она возницу.

– Что угодно, госпожа?

– Поезжай мимо базара. Нужно купить все необходимое, чтобы добраться домой. Мы возвращаемся. Итак много времени потеряли в напрасных хлопотах.

Яруф звонко взмахнул в воздухе кнутом, а девочка радостно захлопала в ладоши. Наконец-то после долгих недель путешествия по городам Галилеи она снова окажется в красивом доме Мириам. И зачем только понадобилось возить ее по чужим семьям, ведь сразу было ясно, что она никому не понравится, и никто не захочет взять ее в свой дом. Ее любит только Мириам! А с нею у нее будет и дом, и своя семья. Сарра еще сильнее прижалась к стройному стану молодой женщины и закрыла глаза.

– Ладно, спи, непоседа, – Мириам ласково поцеловала головку ребенка, укрывая накидкой. – Дорога еще дальняя...

2.

Серая ящерица нежилась на раскаленном камне. От истомы она перестала ловить горячий воздух тонким, как нить, языком и закрыла глаза. Солнце стояло в зените, песок звенел от обжигающих лучей. Мертвая часть равнины напоминала пустыню, поросшую колючками и сорной выгоревшей на солнце травой. Пастухи не гнали сюда летом скот, зеленых пастбищ и водопоя в этой части равнины было не отыскать. Только выжженный песок да мертвая земля.

Возле камня неподвижно лежал человек.

Веки путника вздрогнули, глаза едва приоткрылись. Ящерица не обратила на него никакого внимания и продолжала греться на солнце. Глубокие трещины на камне плыли перед глазами, спутываясь в один клубок из черных змей. Еще утром одна такая змея укусила его за ногу. Он не мог идти, шевелиться, говорить. Горячий пустынный воздух обдувал смуглые скулы путника, но его исхудавшее тело только еще больше вздрогнуло от озноба.

Вдруг на камень набежала легкая тень. Ящерица мгновенно проснулась от векового сна и быстро юркнула в расщелину камня. Путник снова попытался открыть глаза. Перед ним стояла маленькая девочка в сером хитоне с платком на голове, а в руке букет из колючек. Она разглядывала мужчину, не скрывая детского любопытства, и стояла так близко, что он смог бы дотянуться рукой до края хитона. Ему захотелось позвать ее, попросить помощи, но губы онемели, а беззвучные хрипы раздирали пересохшее горло.

Заметив, что человек приоткрыл глаза, девочка сорвалась с места и кинулась бежать на голоса. Ее давно искали, и сейчас будет строгий выговор за непослушание. Прижимая колючки к груди, она неслась к повозке, но споткнулась о камень.

– Сарра! – Мириам подхватила ребенка. – Разве можно так далеко уходить от нас. Здесь опасно. Очень опасно, сестренка. Скорпионы, змеи, разбойники. С тобой может случиться все что угодно. Я отвернулась только на минуту, а тебя нет... Сильно ушибла ножку?

– Нет. Там разбойник, – Сарра уже отдышалась и показывала рукой в ту сторону, откуда прибежала.

Яруф, услышав слова девочки, тотчас полез в повозку за длинным дамасским ножом. Старый слуга ни за что не оставит хозяйку в беде, будет защищать ее до последнего вздоха.

– Яруф, ну какие здесь разбойники, – Мириам только покачала головой и принялась растирать Сарре ушибленное колено. – Эту дорогу все обходят стороной. Проклятое место. Разбойникам здесь нечему поживиться. И у нас нет ничего ценного.

– Как нет? – удивилась Сарра. – А это?

Она показала на золотые браслеты.

– Из-за них нас и убьют, – согласился слуга с маленькой девочкой.

Мириам быстро сняла украшения, спрятала на груди под туникой.

– Немедленно в повозку! Лошади отдохнули, можно следовать дальше... А если поедем быстрее, то к вечеру выберемся на оживленную дорогу возле озера.

– Нет! – Сарра вырвалась из женских рук. – Ему нужна помощь. Он там лежит... как мама...

Мириам застыла в нерешительности, легкая тошнота подкатило к самому горлу. Какой-то несчастный умер посреди пустоши, а бедный ребенок нашел его тело.

– Он живой, – зашептала Сарра, дергая ее за юбку. – Пойдем, я покажу.

– Яруф, привяжи коней крепче. Нужно посмотреть, кто там лежит, – решила Мириам.

– Госпожа, прошу вас, – взмолился старый слуга, – не ходите туда. Если мы начнем рыть могилу этому несчастному, то и до вечера не выберемся отсюда. Пусть он достанется зверью. Ведь им тоже нужно что-то есть.

Но все уговоры были напрасны. Яруф знал, уж если что-то и взбредет в голову госпоже, то ничего тут не поделаешь. Он молча пошел доставать из повозки воду и старое покрывало для погребения.

Девочка быстро отыскала большой приметный камень. Путник лежал на старом месте, но глаз не открыл. Мириам внимательно осмотрела его ноги. Одна посинела и распухла, другая покрыта старыми шрамами от язв. Она пыталась прослушать его сердцебиение, но с большим трудом расслышала только два удара. Сомнений не было – человек умирал.

– Мы можем его не довезти, Сарра, но стоит попытаться.

Двоем со слугой Мириам перенесла легкое тело странника в повозку – кожа да кости – непонятно, в чем только душа держится. Устроили его как можно удобнее, на самом дне, постелив на жесткие доски покрывала и разное тряпье, опасаясь дорожной тряски. Первым делом осмотрела распухшую ногу. Две кровавые, чуть приметные точки запеклись на щиколотке. Укус змеи. Темная синева расплзлась по всей голени. Странно, что он еще жив...

В дорожной сумке Мириам отыскала маленький прозрачный сосуд. Хранившаяся в нем бесценная жидкость – противоядие, досталось ей от одной старой иудейки, которая всю жизнь берегла секреты Мертвого моря. Несколько капель вязкой жидкости торопливо влила в узкую щель рта, а раны смазала мускусным бальзамом. Затем смочила кусок жесткого холста водой и принялась обтирать путнику руки, впалую грудь. Лицо промокнула осторожно, почти нежно.

Она сидела рядом с несчастным и внимательно рассматривала изможденное лицо. Красиво ли оно? Тонкие запекшиеся губы превратились в одну сплошную рану, узкий лоб в глубоких морщинах, скулы обтянуты бескровной кожей. Вот только длинные ресницы и прямой нос не вызывали явного отвращения. А глаза так и остались закрытыми, никаких признаков жизни. Только по едва пульсирующей жилке на виске, она знала, что он жив.

Облокотившись на край трясущейся повозки, Мириам всю ночь не смыкала глаз. Она пыталась поить путника водой, по каплям вливая в сухой рот бесценную жидкость, гладила по светлым спутанным волосам, смотрела на серое лицо, словно хотела запомнить каждую черточку, каждую морщинку. Сарра же всю дорогу льнула к ее горячему боку, не произнося ни слова, всеми силами стараясь помочь, крепко держала последнюю амфору с водой.

Весь следующий день ехали без остановок и лишь к вечеру добрались до Магдалы. Дом Мириам стоял на самой окраине города, но дорога к нему вела через базарную площадь и главную улицу. Опасаясь посторонних глаз, женщина крепче привязала занавески к дощатым бортикам повозки, на путника и девочку набросила темную накидку.

– Сиди тихо и не высовывайся, – приказала Сарре. Та мышкой притихла в углу и перестала дышать.

Но тревога оказалась напрасной. Площадь, а за ней и безлюдные улицы проехали спокойно. Все спешили по домам на отдых к ужину и вечерней прохладе. Только одна женщина в черном хитоне посторонилась к стене дома, пропуская повозку, и еще стояла некоторое время неподвижно, взглядом провожая ее до конца улицы.

Великолепный дом с многочисленными пристройками возвышался на холме посреди большой оливковой рощи. Масленичный запах мускатного ореха повис в жарком воздухе. Олива уже поспела, скоро придется нанимать работников для сбора урожая. Но кто согласится работать у нее даже за двойную плату?

Ворота открылись сами. Ее возвращение ждали третий день, и слуги по очереди дежурили на плоской крыше дома, чтобы не пропустить появление хозяйки.

– Хвала Богам, ты вернулась, дочка! – навстречу Мириам бежала пожилая женщина. Обняла ее, расцеловала лицо. Сухими, жесткими ладонями принялась растирать холодные пальцы госпожи. – Как долго тебя не было. Ну, рассказывай скорее. Кому ты отдала девочку? Кто захотел ее взять?

– Никто, кормилица, никто, – устало отозвалась Мириам.

– Как? Она вернулась с тобой? – вопрос прозвучал слишком громко.

– Да, она вернулась домой. Но это не все, Есфирь, – не дождавшись очередного вопроса, Мириам добавила. – По дороге я подобрала одного страждущего. Это молодой мужчина.

Кормилица укоризненно закачала головой.

– Сбереги нас, Яхве. – прошептали бескровные губы.

Старая Есфирь хорошо запомнила тот день, когда два месяца назад разъяренная толпа горожан гнала по улицам Магдалы больную проказой женщину. За руку она тащила маленькую девочку. Люди гнали нищенок из города прочь, но обессиленная женщина упала в небольшой сухой арык и дальше идти не могла. Это произошло возле дома Мириам в конце оливковой рощи. От истошного женского крика и громкого плача ребенка все слуги и рабы вместе с Мириам выбежали за ворота посмотреть, в чем дело. Этот ужас Есфирь не забудет никогда. Мужчины безжалостно забивали неподвижную женщину камнями, перепуганный ребенок кричал недалеко от матери. Наслаждаясь забавой, с криком бравады и улюлюканьем они соревновались друг перед другом, кто точнее попадет в голову прокаженной. Не раздумывая, Мириам подбежала к девочке и подхватила на руки. Выкрикивая страшные ругательства, она бросилась на толпу, пытаясь остановить град камней, и ей это удалось. Встретив неожиданный отпор, иудеи отступили, отбросили в сторону камни, но окровавленная нищенка неподвижно лежала на дне арыка. Она была уже мертва.

– Прочь с моей земли! – кричала Мириам. За ее спиной стояли слуги, сжимая в руках палки и мотыги.

Толпа неохотно вернулась в город. Но один человек долго оглядывался назад в сторону Мириам, которая прижимала к груди девочку, и ненавистно улыбался.

– Ты еще пожалеешь, женщина, – долетели до Есфирь его слова. – Пожалеешь...

Тело прокаженной сожгли в тот же день, обложив сухим хворостом и поленьями, пепел закопали подальше от воды. Девочку Мириам взяла в дом, сама вымыла ее в огромном чане, осмотрела раны. Смуглая кожа ребенка оказалась чистой, не считая ран и ушибов от камней. Язв проказы не нашли, и Мириам решила оставить девочку, но кормилица запротестовала.

– Как можно, что люди скажут. Незамужней женщине не пристало воспитывать чужого ребенка. Да и житья нам не будет, ее мать болела проказой, может, болезнь у нее внутри, а проявится потом. Наш дом сожгут вместе с ней, лишь только узнают, что ты приняла ребенка в семью.

Тогда Мириам только отмахнулась от слов испуганной Есфирь.

Сначала все шло хорошо. Девочка быстро поправилась, окрепла. Она была похожа на птичку-непоседу, играла с утра до самого вечера, бегала по комнатам огромного красивого дома. Во внутреннем дворе нашла себе в друзья рыжего котенка и с тех пор с ним не разлучалась, пела веселые песни, звонко смеялась, радовалась каждому дню. Но больше всего она любила Мириам – красивую добрую женщину с шелковыми волосами, от которой вкусно пахло жареным миндалем. Каждую свободную минуту Мириам затевала с ней игру, учила мастерить ожерелья из ракушек, соломенные игрушки, тряпичные куклы. Девочка все схватывала налету, только имени своего сказать не могла, не помнила. Ночью, когда ее мучили кошмары, она выкрикивала имя Сарра, и с тех пор Мириам стала ее так называть, а вслед за ней и слуги. Одна лишь кормилица недовольно посматривала на девочку.

– Уж слишком быстро забыла она свое горе, свою несчастную мать.

– Ребенок столько натерпелся, Есфирь, – оправдывала маленькую Сарру Мириам. – Зачем ей помнить весь ужас короткой жизни. Она и так плохо спит по ночам. Пусть хотя бы днем будет веселой и счастливой.

Неприятности стали происходить потом, ровно месяц спустя. Однажды Яруф, вернувшись на повозке из города, не закрыл сразу ворота, а повел мулов к водопою. Любопытная Сарра, неприметная никем, вышла на улицу. Девочку кинулись искать лишь под вечер. Первая

забеспокоилась Мириам. Неслышно было звонкого смеха, никто не бегал по терракотовой террасе босыми пятками, не плескался во дворе в каменном колодце. Опросили всех слуг, девочку никто не видел. Когда же за высокой стеной забора раздались громкие возгласы и детский визг, поняли, что Сарру нужно искать вне дома.

У Мириам похолодело сердце, мигом открыли ворота. Мальчишки, что постарше, обступив Сарру кольцом, хлестали тонкими прутьями голые ноги. Девочка прыгала от боли и громко визжала. Мириам тигрицей налетела на обидчиков и первого повалила на землю звонкой затрепиной, остальные сами разбежались в разные стороны. В руках Сарра держала мертвого котенка, нежно прижимала пушистое тельце к груди.

Неприятности продолжались. Слуги почти каждый день приходили к хозяйке с жалобами: торговцы на рынке отказывались продавать специи и свечи, купец в мануфактурной лавке не пожелал продать кусок холста. На улицах люди обходили слуг Мириам стороной, никто не здоровался, все отворачивались.

Последней каплей стал пожар на скотном дворе. Крыша из сухих бревен, покрытая пальмовыми листьями, загорелась внезапно посреди белого дня, ее быстро смогли потушить. Но если бы пожар произошел ночью, когда все спали, то огонь легко перекинулся бы на жилища для слуг, а затем и на хозяйский дом. После такого Есфирь не выдержала.

– Ты должна увезти из дома девочку, Мириам, – голос ее был спокоен, а слова убедительны. – Иначе в один прекрасный день ты сама пойдешь с ней по миру. И кто знает, как закончится твой путь, моя госпожа.

Мириам пообещала отдать Сарру одной знакомой семье, людям, которым она доверяла. Но там к ее просьбе отнеслись насторожено и девочку не приняли, отказали и в другой семье, даже за деньги не захотели воспитывать чужого ребенка. Терпение и решимость покидали Мириам с каждым днем. Ей было жалко расставаться с девочкой, она привязалась к малышке и полюбила ее как родную дочь. В конце концов, она решила вернуться домой и хорошенько приглядывать за Саррой, а слугам наказать, чтобы те рассказывали на базаре, что ребенка отвезли в другой город и отдали чужим людям на воспитание.

Только теперь во дворе родного дома, видя испуганное лицо старой кормилицы, она поняла, что вероятно совершила ошибку, роковую ошибку, которая перевернет всю ее жизнь.

3.

Все последующие дни Мириам не отходила от своего несчастного больного. Жар сменялся ознобом, спутанный бред тихим забытием. Во сне незнакомец кого-то звал, с кем-то спорил или беззвучно смеялся, улыбаясь лишь ртом. Мириам неустанно растирала худое тело отварами из трав, пеленала как младенца в мокрые простыни, смазывала исцеляющими бальзамами. Редко ей удавалось поспать, но даже в эти мимолетные часы отдыха она видела во сне своего путника на смертном одре в терновом венце на грязных волосах, а просыпаясь в холодном поту, неслась к его постели узнать, жив он или уже мертв.

Украдкой Есфирь наблюдала метание хозяйки между кухней, где готовились целебные отвары, и спальней, где лежал незнакомец, и не могла понять, почему Мириам так переживает за него. Не раз она пыталась намекнуть, что человек этот может оказаться кем угодно, даже тем ужасным разбойником, за поимку которого прокуратор назначил высокую награду, и всю неделю римские летучие отряды прочесывали не только селения и города, но и зеленые холмы вдоль всего Геннисаретского озера.

Нет, напрасны были увещания старой кормилицы. Мириам никого не хотела слушать. С утра до вечера она самоотверженно продолжала ухаживать за больным. Но ничто не могло навести ее на мысль о том, кто он и что делал посреди пустынной равнины. В его дорожной сумке нашлось несколько старинных пергаментов, два из которых на арамейском и греческом Мириам удалось прочитать. В одном говорилось о лечении опасной болезни, в другом философские разъяснения о духовном начале бытия. Еще в холщовых мешочках нашлись связанные в маленькие пучки сухие пряные травы, завернутые в пальмовые листья, и мелко растертый порошок. Несколько предметов лежало в отдельной сумке поменьше, но их предназначение осталось для Мириам загадкой.

Часами напролет сидела она возле больного и смотрела на бледное лицо. Ровное дыхание не вызывало тревогу. Незнакомец мирно спал, болезнь постепенно отпускала его. Все в доме, и рабы и слуги, ходили осторожно, говорили полупшепотом. Сарре запретили громко петь и бегать босыми ногами по каменной террасе. Возле девочки неотлучно находились две молодые служанки. В комнаты хозяйки на второй этаж, где лежал больной, дозволялось входить только Есфирь. Она несколько раз предлагала Мириам заменить ее у постели несчастного, но та упорно отказывалась.

– Он должен скоро очнуться, кормилица, – только и отвечала бедная женщина. – Я не хочу пропустить тот миг, когда он откроет глаза.

Есфирь недоуменно пожимала плечами и больше не настаивала.

Мириам и сама не могла объяснить то, что зарождалось в ее душе. Но она знала наверняка, что рядом с этим человеком душа ее обретала покой, сердце билось чаще, а грудь сжималась так, словно не хватало воздуха.

«Как все-таки странно, – думала она поздней ночью, глядя из окна на черный горизонт, усыпанный звездами. – Как долго можно жить и не замечать ночной красоты, бесконечного неба, далекого мерцающего света холодных звезд... Правда, мудрецы в Афинах говорили о звездах, которые могут предсказать судьбу или счастье, смерть и даже любовь... Зачем мечтать о далеком будущем, если даже не знаешь завтрашнего дня? Зачем тосковать по утратам, если они в прошлом были самыми счастливыми и радостными событиями в твоей жизни? Прошедшее оставляет в нас печаль, будущее вселяет в нас радостную надежду. Мы обречены маяться всю жизнь между печалью и радостью, между прошлым и будущим, между светом и тьмой. Почему мы не можем ценить то, что дарит каждый миг настоящего...»

Она тяжело вздохнула, и яркая звезда подмигнула с черного небосклона. Громкий лай соседских собак прервал тревожные мысли, заставил вернуться к постели больного. Он спо-

койно спал, дыхание едва заметно. Лицо посветлело, преобразилось, и выступающие скулы едва выделялись под смуглой кожей. На лбу и верхней губе выступила испарина – верный признак выздоровления. Мириам смочила платок в розовой воде, отерла лицо, руки. Затем потушила лампаду и осторожно легла рядом с незнакомцем с самого краю. «Завтрашний день обязательно принесет мне счастье», – так почему-то подумалось ей в последнюю минуту, и она спокойно уснула глубоким сном...

Он открыл глаза первым. Сначала его поразила удивительная тишина, вернее, ее нежные и глубокие звуки. Они доносились отовсюду – бляенье овец, тоненький колокольчик пастуха, шелест листьев оливы и стрекотание цикад. На смену звукам пришли запахи. Тонкий навязчивый запах мускатного ореха и дурманящих олеандров, свежесть ручья, аромат маисовых лепешек и жареного мяса. Голодный желудок сразу заурчал в свое оправдание, и тогда ему захотелось открыть глаза.

Белый выбеленный потолок с поперечными балками кружился над головой. На стене переплетались яркие цветы, порхали причудливые птицы, а за ними улыбалась полуобнаженная женщина с вьющимися волосами. Что за странное место?

Едва уловимое дыхание с левой стороны заставило путника повернуть голову. Его сон продолжался наяву. Рядом на подголовном валике спала женщина, живой двойник той, которая смотрела на него со стены. Она была как сотни других: лицо, руки, волосы, стройное тело под обтягивающей туникой, но что-то заставило его затаить дыхание и тихо любоваться ею. Правильные, тонкие черты лица еще молодого, но с приметными морщинками на лбу и возле губ, завораживали взгляд. Губы почему-то сразу захотелось поцеловать. Они манили его – мягкие, теплые, и так близко... Он прикоснулся к ним легким движением пальца.

Мириам проснулась тотчас, словно от удара. Заметив испуганный взгляд незнакомца, она смутилась, попыталась скрыть волнение и спешно поднялась с постели.

– Кто ты?

– Мириам.

– Где я?

– В Магдале.

– Какой странный дом... – он изумленно рассматривал разрисованные стены.

– Почему странный? – удивилась она. – Всего лишь дом моего отца.

– Я видел такие... в Греции, в Риме...

Улыбнувшись, она расправила складки примятой туники, без стеснения собрала волосы жемчужными заколками.

– Мириам... – повторил незнакомец.

– Я нашла тебя посреди пустыни. Твои ноги искусают змеи, но ты выжил... Как звать тебя?

– Иса, – он пожал плечами.

– Иса и все?

– Да.

– Откуда ты, чем занимаешься? – настаивала Мириам, но он молчал. – Я живу одна. Любой посторонний человек вызовет много вопросов и подозрений. Откуда мне знать, что ты не разбойник зелотов, которого разыскивают римские солдаты.

– Я не разбойник, госпожа, – он улыбнулся, но сомнение тенью легло на лицо. – Не знаю, понравится ли мой ответ... Я пробую исцелять людей, помогаю страждущим. Иногда не только боль беспокоит тело, но и душа нуждается в лечении. Я целитель, или как называли нас мудрецы древности – врачеватель. Я не разбойник, госпожа. Меня не надо бояться, я не причиню тебе вреда.

– Целитель? – изумилась Мириам. Как легко разрешилась ее загадка. – Ты лекарь! Всемогущая Исида! И что я только не передумала за эти дни. Все говорят о разбойниках. Слишком много их появляется в Галилее. Но откуда ты? Где твой дом?

Он попытался подняться на ложе и сесть. Ноги с трудом опустились на каменный пол, голова кружилась, слабость сковала тело.

– Я долго хожу по земле, госпожа. Моим последним пристанищем был Вавилон. Жрецы охотно делились со мной тайнами древнего врачевания. Там я обрел друзей, и о себе, надеюсь, оставил хорошую память.

– А каким богам ты молишься? Салуте, Гигиене или Эскулапу?

Он усмехнулся.

– Бог един. Нельзя молиться разным богам.

Мириам удивилась, но ничего не сказала.

– А где ты родился?

– Не знаю, – глаза его улыгнулись, а морщины на лбу разгладились. Он с нежностью посмотрел на красивое женское лицо. – Я плохо помню детство. Страшные пожары, разрушения, смерть... Память все стерла из моего сердца...

– И что же ты всегда один?

– Наверное, один... Расскажи о себе, госпожа, – попросил он, и снова в его глазах промелькнула нежность.

Но Мириам смутилась, щеки покраснелись, ладони покрылись испариной.

– Ты слаб, три дня лежал в беспамятстве, в горячем бреде. Редко кто выживет после яда гадюки, но тебе повезло... Беспокоит ли тебя что-нибудь?

Большие карие глаза чуть потеплели. Что могло его беспокоить? Ее тонкие, плавные руки, рыжий локон, спадающий на плечо, едва уловимый аромат миндаля, исходящий от ее тела. Какая удивительная и странная женщина! Он осторожно взял руку Мириам и поднес к своим губам.

– Ничего, госпожа... Теперь я обрел покой.

Ее сердце замерло лишь на мгновение и снова забилось, но чаще.

– Тебя нужно накормить, я скоро вернусь, – быстро вышла из комнаты, чтобы он не заметил пылающего лица...

На следующий день Есфирь объявила слугам, что дальний родственник, которого хозяйка приютила в доме, пошел на поправку. Было строго запрещено болтать о нем на рынке, но людские языки к небу не пришьешь, хотя сама кормилица и допустила вольность, проговорившись кухарке о врачевателе.

Первая к Мириам пришла служанка Заихра. Она принесла на руках маленького сынишку и уселась прямо на земляном полу посреди кухни, где хозяйка готовила чечевичную похлебку.

– Что случилось, Заихра? Что с малышом?

– Не гневайся, госпожа, – взмолилась служанка. – Есфирь рассказала нам о лекаре, что живет в доме. Не может ли он посмотреть моего сына, у него сильный жар. Мы с мужем ничего не можем сделать, ничего не помогает.

– Мой родственник, Заихра, не совсем оправился от болезни. Не переживай, я сама посмотрю твоего сына.

Кормилица тихо переступила порог кухни, но увидев на полу служанку, рассердилась.

– Я же велела тебе не беспокоить госпожу, Заихра. Отнести своего мальчишку к знахарке? Как тебе только не совестно. Госпожа сутками не смыкала глаз. Дайте ей отдохнуть!

Служанка судорожно прижала к груди малыша, склонила голову до пола.

– Не ругай ее, Есфирь. Она всего лишь заботится о сыне. Я попробую снять жар.

– Разве дело только в ней, – вздохнула Есфирь. – Во дворе собрались слуги, дочка. Хотят видеть твоего лекаря... Намаемся мы с этим странником, Мириам. Ох, намаемся.

Пришлось выйти во двор.

Старая рабыня наравне с мужчинами оставила прялку с овечьей шерстью и пришла в надежде на исцеление.

– Ходят слухи, госпожа, – она говорила за всех, остальные стояли на почтительном расстоянии, – что в Галилее объявился один человек. Люди болтают на рынке: он творит чудеса, лечит слепых и увечных калек. Прости нас за неуважение, госпожа, но не тот ли человек гостит в твоём доме?

– Мой гость, Наина, племянник дяди из Вифлеема по материнской родне, – на ходу придумывала Мириам, – а значит, и мне приходится дальним родственником, хотя я никого не знаю из той семьи. Он недавно появился в моём доме, и я прошу слуг никому о нём не рассказывать. Мне и так хватает неприятностей из-за Сарры.

– Ясно, госпожа, – опечалилась Наина, но не посмела разуверять свою госпожу, что Сарра уже всем разболтала, где на самом деле нашли несчастного путника.

– Что вас тревожит? – Мириам заметила неловкость слуг.

Вперед выступил Иосиф, почтённо поклонился.

– Это моя вина, госпожа. Вы знаете, что мой сын второй год не может ходить. Врачи говорят, что кости неправильно срослись. Но мы с женой не теряем надежды и обращаемся ко всем знахарям, что идут через Магдалу в Ершалаим, просим посмотреть нашего мальчика. Ведь он один у нас, госпожа.

– И ты решил, что мой родственник поможет тебе, Иосиф?

Мужчина склонился ещё ниже.

– Хорошо. Ваше желание мне понятно, но сейчас я не могу вам помочь. Мой гость не совсем оправился после болезни. Как только он сможет посмотреть твоего сына, Иосиф, я позову тебя.

– Да пошлет небо благополучие и удачу в твой дом, госпожа, – слуги мирно разошлись по своим делам.

Вечером Мириам снова сидела около постели больного. На низком круглом столе нетронутой осталась еда, так заботливо приготовленная её руками. Зачерствел свежий хлеб, рагу из молодого козленка покрылось тонкой пленкой белого жира, без внимания остался виноград и финики. За целый день Иса ничего не съел, только выпил немного козьего молока. Он тщетно пытался встать, но не смог, ноги не повиновались ему. Повалившись обратно на лежанку, он отвернулся к стене и продолжал рассматривать лицо прекрасной незнакомки, но чем дольше смотрел он на струящиеся золотым каскадом волосы, на миндалевидные изумрудные глаза, тем суровее хмурились брови и глубокие морщины бороздили бледный лоб. Настроение его резко изменилось, словно ветер в сезон дождей, взгляд стал отрешённым и чужим.

Мириам хотелось расспросить его о прошлом, но Иса только махнул рукой. Не отрываясь, смотрел на расписную фреску и о чём-то думал, а через время очнулся, увидел рядом сидящую женщину и очень удивился.

– Я спал?

– Нет, Иса. Ты долго смотрел на картину. Она понравилась тебе?

– Нет... Бог запрещает изображать людей на стенах жилищ. Разве ты не знала, госпожа?

– Её нарисовал умелый художник. Это Венера – богиня любви и плодородия. В детстве я очень любила на неё смотреть. С годами краски побледнели, но все равно она дорога мне как память об отце.

Иса молчал. Он смотрел на картину, но не видел её, вдруг неожиданно обернулся к Мириам и спросил.

– А где Петр?

– Какой Петр, Иса? О ком ты?

– Петр. Мой ученик.

У Мириам похолодели руки. Взгляд его был нежным и заискивающим, как у маленького ребенка, который совершил ничтожную провинность и не хотел понести наказание. Он улыбался и ждал ответа.

– Когда я нашла тебя, ты был один...

Он снова отвернулся и закрыл глаза.

– Я скоро уйду. Только встану и уйду. Не беспокойся обо мне, госпожа.

Досада и тихий гнев слышались в его словах. Женщина терпеливо ждала, но он молчал.

– Тебе некуда идти, – она старалась говорить ласково, едва сдерживая волнение. – Здесь ты найдешь все, что нужно. Тебя никто не будет искать.

– Я должен, – он замолчал, пытаясь подобрать правильные слова, – помогать там... – Иса сделал неопределенный взмах рукой, увлекая ее далеко за стены дома.

– Везде есть те, кому нужна твоя помощь, – она под села ближе, хотела взять его за руку, но он отстранился. Мириам сделала вид, что не заметила недоверчивого жеста и смиренно продолжала. – В моем доме много больных слуг, среди них есть мальчик Яков. Два года назад колесо повозки повредило ему ногу, с тех пор он не может ходить, и отец носит сына на руках. А город полон несчастных калек. Тебе не придется далеко ходить, Иса. Они сами найдут тебя.

Он не ответил. Он хотел остаться один. Рядом с этой женщиной он не мог дышать. Неведанное ранее смятение стальным кольцом сдавливало грудь, жалкая досада туманила разум и порабощала волю. Но не от змеиного яда онемел его язык, другие чары тонкими извилистыми парами пробирались через кожу под самые кости: страшные, пугающие... женские. Она притягивала его и манила, а нежный взгляд успокаивал и исцелял страждущее сердце. Душа трепетно просила его не уходить, остаться с ней. Желания накатывали живительными волнами, и хотелось всегда быть возле нее, но он знал, что непременно наступит день, когда она разочаруется в нем. И он заведомо боялся этого дня.

4.

Поздней ночью, когда дневная духота покидала раскаленные комнаты, а прохлада наполняла жилища, Мириам разбудил громкий крик за стеной сада. Измученная за целый день суетными заботами она едва заснула и теперь с трудом открывала глаза.

– Мириам, открой окно!

Мужской голос разбудил соседских собак. Если не ответить, проснутся все слуги.

– Мириам! Не заставляй меня долго ждать, я рассержусь!

Подскочив с постели, словно от укуса змеи, она сразу узнала этот голос. Купец Ферхат вернулся в Магдалу и не смог проехать мимо ее дома.

– Открой окно, женщина! Иначе я всех разбужу в твоём доме! Ты слышишь меня?

Мириам подбежала к распахнутому окну.

– Слышу тебя, уважаемый Ферхат, – шепот ее срывался на крик. – Как можно беспокоить почтенных людей в такое время. Я позову слуг, и они побьют тебя палками.

– Мириам, – голос купца сменился на ласковый лепет. При свете яркой луны он разглядел долгожданное лицо. – Я не мог дожидаться встречи, моя госпожа. Выйди ко мне в сад и ошастливь своим появлением, луноликая Мириам.

– Как тебе только не совестно, почтенный Ферхат. Ты что, хочешь опозорить меня перед слугами? Кто является посреди ночи под окна одинокой женщины. Мало того, что завтра соседи злыми языками перемоют мои кости, так еще и ворота вымажут грязью.

– Пусть только попробуют, моя луна. Я утоплю их в колодце. Один поцелуй, Мириам, жизнь моя. Только один поцелуй, – не сдавался купец. – И бери у меня все, что пожелаешь.

– Да ты еще и пьян! – от досады она до крови прикусила губу. Безразличны были ей соседские сплетницы, больше всего Мириам стыдилась присутствия Исы. Если его разбудили крики Ферхата, то он слышал каждое слово.

– Нет, я не пьян, моя госпожа, – оправдывался купец. – И зачем мне вино, луна моя, если я пьянею только от одного твоего взгляда.

– Уходи, уважаемый Ферхат, немедленно уходи, прошу тебя, – взмолилась Мириам.

– Как я могу уйти, если такая ночь. Как я могу не увидеть лица той, о которой грезил наяву. Как я могу не услышать голос той, возле которой мечтал умереть, лишь только встречусь с ней. Как можно не сказать несчастному Ферхату одно ласковое слово, если он сейчас полезет на каменную стену, чтобы сорвать поцелуй с твоих холодных губ, луна моя.

Чтобы не рассмеяться, Мириам прикрыла лицо ладонями, забавляясь пылкими признаниями несчастного купца. Только поздний час тревожил осторожную женщину.

– Хорошо, уважаемый Ферхат, я исполню твою просьбу. Но только завтра. Ты привез прочные холсты?

– Не только холсты, моя госпожа, все сокровища мира будут у твоих ног.

– Завтра покажешь мне все, – рассмеялась Мириам. – Я зайду в твою лавку.

– Ты снова подарила мне жизнь, богиня моя. Как мне уснуть в такую удивительную ночь! Придется и вовсе не ложиться, а дожидаться утра и встречи с тобой, луна моя...

Она отошла от окна. Постепенно голоса стихли, повозки проехали мимо садовой стены, лай собак прекратился. Ночь приглушила все звуки. Мириам решила посмотреть на своего больного. Она осторожно прошла в соседнюю комнату и заглянула в спальню Исы. Он стоял возле окна и смотрел в темноту сада. На черном квадрате окна четко вырисовывался белый силуэт.

Как и обещала, на следующий день Мириам отправилась к Ферхату. Она взяла с собой служанку и одного раба для охраны. Дом с торговой лавкой находились недалеко от главной

базарной площади, возле дверей ее подждал помощник Ферхата, Араис, управляющий домом и торговлей в Магдале.

– Вас приглашают в дом на террасу, госпожа, – он провел женщину во внутренний двор.

Прием подготовили так, чтобы поразить гостью богатством и изысканностью. На низком овальном столе под тенью раскидистого дерева теснились серебряные подносы с угощениями, кубки для вина из чистого золота, дивные фрукты и сладкие шербеты. Сам хозяин поднялся навстречу долгожданной гостье.

– Хвала небесам, и в моем доме показалось солнце, дорогая Мириам! Я не верил до последней минуты, что ты сдержишь слово и придешь.

– А что мне оставалось, уважаемый Ферхат. Твое неразумное поведение могло мне сильно навредить. Люди и так искоса смотрят на меня. Купцы отказываются продавать моим слугам товар. Приходится посылать их в соседний город. А к тебе зашла потому, что ткани и холсты потребовались в хозяйстве.

– Как мне повезло, Мириам. Хоть чем-то могу тебе услужить. Присядь хоть на минуту, прошу тебя, женщина. Я хочу угостить тебя лимонным шербетом, сладости вот приготовили. Все для тебя, луна моя, все для тебя!

– Некогда мне рассиживаться, уважаемый Ферхат. После твоего ночного визита я совсем не выспалась.

Купец разлил шербет по кубкам, один протянул Мириам.

– Прости старого дурака, луна моя. Но моя любовь к тебе вечна, как белый снег на высоких горах Араратских. Я так соскучился, что не смог дожждаться утра.

– Я знаю, уважаемый Ферхат, и очень ценю твою любовь, поверь мне. Но мой ответ остается без изменений, – Мириам смущенно опустила голову, легкая тень легла на красивое лицо.

– Нет? – вздохнул купец.

– Нет... Мое сердце молчит.

– Ну что же, богиня моя, – Ферхат пригладил короткую, седую бороду. – Я еще не стар, могу и подождать, а вдруг ветер переменится, кто знает... кто знает...

– Не обижайся на меня, почтенный Ферхат, – Мириам попыталась смягчить очередной отказ. – Ты богат, у тебя великолепный дом, ты уважаемый человек в городе. Любая женщина примет твое предложение как подарок небес...

– И-и-и, – купец отмахнулся от ее слов. – Зачем ты так обижаешь меня, женщина? Зачем мне любая... Я уже прожил свою жизнь, у меня была добрая жена. Бог свидетель, я обращался с ней хорошо, никогда руки не поднял. Есть у меня и дети. Конечно, они давно выросли, у всех свои семьи. Они навещают меня, и хвала небесам. Но я один... А знаешь, богиня моя, я никогда не забуду тот день, когда впервые ты окатила меня водой из колодца на постоялом дворе в Хоразине.

– Я вела себя очень вызывающе, почтенный Ферхат, – рассмеялась Мириам. – Но ты заслужил такого обращения.

– Да, я помню, помню, – купец прищурился и погрозил насмешнице пальцем. – Мои верблюды просто с ног валились от усталости. Они прошли всю пустыню, животным требовался отдых и вода, но справедливая Мириам не захотела пустить их к водопою из-за каких-то нищих фарисеев с облезлыми ослиами, а еще установила очередь к колодцу, чтобы люди не мешали друг другу.

– А ты, уважаемый Ферхат, полез первым и получил по заслугам.

– Когда я стоял весь мокрый с головы до пят, а толпа смеялась надо мной и потешалась, придумывая всякие прозвища мне и моим верблюдам, знаешь, что спасло тебя от хорошей плети, женщина?

Мириам молчала, но улыбалась.

– Твоя красота! – Ферхат прижал руку к груди и склонил голову. – И твоя гордость. Конечно, женщина лишь тень своего мужа, она его раба и бессловесная вещь, которую он может выбросить за порог своего дома за ненадобностью. Все это так, но... Когда мужчина встречает на своем пути такую женщину как ты, Мириам, он забывает, что он господин, и ему почему-то хочется впервые в жизни стать ее рабом. Поэтому, чтобы не поддаться своей слабости и не потерять власть, мужчина бежит от этой красоты. Знаешь, кого больше всего на свете мы боимся? Нет? Красивую и умную женщину, Мириам! Рядом с ней мужчина чувствует себя либо глупцом, либо евнухом. Она, как смертельный укус скорпиона, парализует его сознание и мысли. И тут же он может стать ненасытным зверем, если она откажет ему. Он готов убить эту красоту, только за то, что она победила его. Запомни мои слова, женщина. Подумай о том, что я тебе сказал. Я желаю тебе счастья и надеюсь, что ты обретешь его только со мной, – купец замолчал. Впервые в жизни он не мог подобрать нужных слов, таких, чтобы она поверила. Ферхат набрал в грудь больше воздуха и, не смотря в изумрудные глаза, тихо произнес. – Подари мне свою любовь, Мириам, и ты ни о чем не пожалеешь. Поверь мне... Ты удивительная и умная женщина, а такая ты желанна вдвойне. С тобой интересно беседовать, вместе вести дом, путешествовать, растить детей. Ты станешь не только женой, но и возлюбленной сердца моего, моей души, светочем моей жизни...

– Довольно, уважаемый Ферхат, – Мириам смущенно опустила глаза и поставила пустой кубок на стол. – Твои слова тронули меня как никогда, но я пришла к тебе за советом.

Купец поднял обе руки, признавая поражение.

– Говори, луна моя, – его голос безнадежно стих, – все, что в моих силах.

– Недавно я подобрала в пустыне умирающего странника. Сутками не отходила от него и вылечила, а теперь не знаю, что мне делать дальше.

Ферхат пожал плечами.

– Дай ему хлеба в дорогу, полмонеты и отпусти с миром.

– Прости меня, почтенный Ферхат, – взмолилась Мириам. – Я пришла за другим советом... выгнать его не могу, он только начал поправляться. Очень странный, всегда о чем-то думает, с кем-то разговаривает, шевелит неслышно губами и смеется. А когда смотрю на него, сердце сжимается в груди от непонятной боли, я не хочу, чтобы он уходил...

Мириам подняла глаза на Ферхата. Душевное страдание, так явно отразившееся на его лице, заставило ее замолчать.

– Допустим, богатства тебе не нужны, – задумчиво проговорил, наконец, Ферхат. – Отец оставил хорошее состояние, дом и земля дают приличный доход. Ты умна, с дураком жить не будешь, терпеть невежество не в твоём гордом нраве. Глупый человек тебе неинтересен, с ним ты быстро разочаруешься. Что же тогда? Что тебя заинтересовало в нем, Мириам?

– Пока и сама не знаю, – тихо ответила женщина.

– Ну, что же, – вздохнул купец, – спасибо за откровенное признание. Но я хотел бы взглянуть на него. Не бойся, хлопот со мной не будет. Лишнего я не скажу. Выбирай холсты, луна моя, а через два дня я сам доставлю их в твой дом. Вот и познакомишь меня... Как зовут его?

– Иса.

– Впервые слышу такое имя... ассирийское? А откуда он, из каких мест?

– Он не знает. Не помнит, – Мириам встала, собралась уходить.

– Хвала богам! Не знает, не помнит, – Ферхат пошел провожать гостью. – Мне нужно увидеть его. Странно это все...

Домой Мириам шла почти бегом. Слуги за ней еле поспевали. Слезы душили горло, не давали дышать.

Знакомство с купцом Ферхатом длилось давно, почти семь лет. После той встречи на постоялом дворе он не упускал ее из виду. Даже приставил людей к ее дому, чтобы знать, где

она бывает и что делает. Года три назад он овдовел, жена долго и тяжело болела, и смерть принесла ей утешение. Мириам замечала, с каким уважением Ферхат приходил в ее дом. Интересовался делами, сбором урожая, помогал советом, привозил дорогие подарки, которые она отправляла на следующий день обратно, но почтенного купца всегда благосклонно принимала в своем доме.

Он был добр, всякий раз весел, шутил, старался удивить ее какой-нибудь новостью, развлечь интересной беседой. Они много разговаривали о чужих странах, людях, далеких землях. Он увлеченно рассказывал, где побывал в свое время. Она вспоминала жизнь с отцом в Афинах и Риме. С ним было спокойно и надежно, как с братом, как с отцом. Нередко она замечала на себе его задумчивый взгляд, нежную улыбку, но когда в его глазах явно вспыхнула любовь, когда расставания стали длиннее, а речь влюбленного сбивчива и спутана, Мириам испугалась. Она знала, что не сможет ответить взаимностью на чувства купца, и встречи прекратились. Ферхат понял все без слов. Он пропал надолго, на целый год. Уехал в Иоппу к старшему сыну, обучал его торговле, налаживал связи, снаряжал корабли в разные города. И вот теперь он вернулся с твердым намерением сделать ее своей женой.

Она опомнилась только в своей комнате. Слезы высохли. На пороге стояла Сарра. Мириам не заметила ее, прошла мимо, и девочка обиженно надула губы, готовая заплакать, но раскрылись нежные объятия, и тут же снизошло прощение.

– А знаешь, сестренка, он вылечил Наину и маленького сынишку Заихры, – выпалила Сарра, прижимаясь щекой к мягкой женской груди. – Наина перестала хромать, а мальчик съел две чашки моченой смоковницы. Есфирь разрешила есть этому ребенку все, что он только пожелает, – Сарра, словно взрослая, развела руки в стороны и покачала головой.

– Кто вылечил? О ком ты говоришь? – Мириам отстранила девочку и внимательно посмотрела в черные глаза. Поправила голубую тунуку, пригладила непослушные завитки жестких волос.

– Иса, – Сарра отозвалась так спокойно, как будто ничего другого и не подразумевалось.

– Где он сейчас?

– Возле сына конюха Иосифа...

Мириам не дала ей договорить, а схватив за руку, поспешила во двор.

Иса сидел на краю постели и нежно гладил вихрастую челку Якова. Рядом в углу тесной комнатунки, прижимаясь друг к другу, застыли несчастные родители. Мать украдкой вытирала слезы, отец хмурился, чтобы не расплакаться вслед за женой.

– Я и сам толком уже не помню, что произошло в тот злополучный день, уважаемый, – рассказывал Иосиф. – После обеда приказали подать большую повозку для госпожи, я запрягал лошадей. Точно помню, что сын играл с собакой в дальнем углу двора. Когда повозка тронулась, я услышал крик своего мальчика. Он лежал возле огромного колеса. Никто не заметил, как сын оказался под повозкой... – конюх с трудом проглотил ком в горле. – Не проходит и дня, чтобы я не казнил себя за это. Если вы сможете ему встать на ноги, я до конца своих дней буду вашим рабом, господин.

Иса тихо улыбался перепуганному малышу, слушая краем уха историю его несчастной судьбы.

– Прошло достаточно много времени, но мальчик юн и полон сил. Я попробую помочь вашему сыну, но это принесет ему новую боль. Нужна трава, которая облегчит страдание. Трудно ее найти в Магдале, но я попробую.

– Иса, – Мириам неслышно появилась в дверях и застыла на пороге.

Его лицо посветлело. Он ждал ее целый день, хотел видеть, и теперь все сомнения развеялись.

– Что ты собрался делать с маленьким Яковом?

– Пока ничего, госпожа, – Иса поднялся с постели. – Я все расскажу тебе потом.

Он незаметно кивнул, и Мириам догадалась, что в присутствии Якова и его родителей Иса ничего не скажет.

Они вышли из душевой комнаты. Приближался полдень, солнце нещадно обжигало глиняные стены построек. Небывалая жара стояла этим летом. Спаситься от нее можно было только в тени густых деревьев у самой кромки воды, и Мириам повела его в сад.

5.

Там они расположились на широкой каменной скамье. Небольшой пруд в конце сада, выложенный по берегу серыми валунами, подпитывался подземными ручьями, которые не иссыкали даже в самое засушливое лето. С одной стороны водоем заплотнили тростник и болотная ряска, с другой буйно разрослись белоснежные лилии, привезенные купцом Ферхатом из дворца Тивериады. Редкие растения он выменял у садовника на индийский шелк. Возле пруда полумесяцем поникли пакистанские ивы. Гибкие, длинные ветви свисали почти до самой воды. Птицы не пели, не разносили свои голоса по уголкам сада. Природа застыла в оцепенении палящего зноя. Лишь изредка тишину нарушали лягушки, испуганно срываясь с насиженных мест и плюхаясь в мутную воду при малейшей опасности.

Мириам не решалась начать разговор. Она любовалась зеркальной гладью пруда, нежными цветами, которые плавно покачивались на воде. Иса заговорил первым.

– Могу я спросить, кто потревожил тебя ночью, госпожа? – голос тихий, приветливый. У нее отлегло от сердца.

– Давний друг... – она смутилась. – Купец Ферхат живет в этом городе давно. По глупой случайности мы познакомились далеко отсюда, но когда узнали, что оба из Магдалы, знакомство наше продолжилось. В городе он уважаемый человек и уже много лет принимает участие в моей судьбе.

– Разве в твоей семье нет мужчин, которые могли бы заботиться о тебе, госпожа?

Мириам судорожно сжала пальцы рук. Нет, теперь ей не больно говорить об этом.

– Никого больше не осталось, – но голос подвел.

Иса решил заглянуть в женские глаза.

– Он любит тебя, – сорвал тонкий лист ивы и принялся мять пальцами.

– Я знаю, – она отвела взгляд.

Станным казался этот разговор, но Мириам не хотела ничего скрывать.

– Ферхат честный человек и желает мне добра. Однажды просил стать его женой. И сегодня снова спрашивал ответ.

– Ты согласилась, госпожа? – измятый лист упал на землю.

– Нет. Я уважаю Ферхата и люблю как отца. И дело здесь не в том, что годами он намного старше меня, возраст только придаст ему значимый вес в глазах избранницы... Я никогда не смогу полюбить его как мужа, как мужчину. Понимаешь ли ты меня, Иса?

– Кажется, да, госпожа, но тебе неприятен наш разговор. Ты искала меня.

– Я хотела узнать, как ты себя чувствуешь, ел ли сегодня и что?

Он только улыбнулся в ответ, но от его улыбки успокоилась душа, и больше никуда не хотелось идти, никого не хотелось видеть. Только сидеть здесь, на этой скамье, и смотреть на него.

– Ты заботаешься обо мне, как мать заботится о своем ребенке, госпожа, – неуловимая печаль прозвучала в его голосе.

– Как иначе? Три дня назад ты метался в бреду, а сейчас разговариваешь со мной, будто и вовсе не болел. Раны на ногах затянулись, остались едва заметные рубцы. Ты творишь чудеса?

– Нет, госпожа, – он смущено тронул ее руку. – Твоя забота и бессонные ночи... Да, да, не отворачивайся от меня, не опускай головы. Твоя кормилица мне все рассказала, когда утром принесла свежего молока. Только ты, а не чудо исцелило меня от яда змеи. Тебе я обязан жизнью и, странствуя по нескончаемым дорогам, не забуду этого никогда.

– Ты все-таки хочешь уйти? – Мириам отдернула руку.

– Заплатить такой неблагодарностью? – он покачал головой. – Я не уйду.

Она судорожно выдохнула, чтобы скрыть волнение, но Иса заметил.

– Сейчас не уйду. Я обещал вылечить Якова, потребуется время, месяц или больше, не знаю. Нужно собрать травы, поискать на ближних лугах.

– Хорошо, – согласилась Мириам. – Но одного тебя я не отпущу. Возьми рабов и повозку, под ее тенью переждешь жару, но вечером вернешься ко мне, прошу тебя.

Мольба и нескрываемая нежность в женском голосе смутили его. Он не хотел расстраивать ее, тут же согласился и в благодарность попытался поцеловать тонкую руку, но Мириам решительно отстранилась, чем вызвала недоумение.

– Я тебе не госпожа, – резко поднялась со скамьи. – И больше не называй меня так. Меня зовут Мириам.

– Хорошо... Мириам.

Уже поздней ночью, когда весь дом погрузился в тишину, оставив все попытки безмятежно уснуть, она долго думала о словах, прозвучавших в саду: «ты заботливая, как мать...» Я буду для тебя кем угодно, Иса, но только не матерью. Откуда пришла такая уверенность, она не знала, но страха не было, и сомнения покинули ее сердце.

Ранним утром во дворе двое слуг снаряжали небольшую повозку, крытую полотняным шатром. Служанка принесла корзину с едой, а глиняные кувшины с родниковой водой крепко привязывали внутри повозки. Яруф запрягал коней. Мириам суетилась рядом и в сотый раз заглядывала в корзину, проверяла кувшины, чтобы от тряски те не разбились в дороге и Иса не остался без воды.

Он стоял в стороне, запахнув на груди новый серый хитон, и молча наблюдал за приготовлениями. В их споре победила Мириам, вернее это была не победа и даже не спор, но ему все равно пришлось уступить, иначе она не отпустила бы его со двора.

Еще до рассвета Мириам слышала, как в соседней комнате Иса засобирался в дорогу. Он хотел уйти незаметно пешком, никого не беспокоя, но она остановила его во дворе. Долго спорили, и ему пришлось уступить. Он проявил настойчивость и даже упорство, не желая принимать от нее помощи, но удивленная Мириам напомнила о данном слове, и он смирился.

– Ты должен вернуться до заката, – просила она.

Иса только пожимал плечами.

– Если я не найду, что мне нужно, придется следовать дальше.

– Следовать дальше без надежной охраны опасно. Римские отряды ищут мятежников. На базаре говорят, что предводитель пойман и содержится во дворце Ирода. Но его сторонники нападают не только на солдат, но и на простых людей.

– Откуда тебе известно? – Иса оставил поношенную суму, в которой что-то искал, и внимательно посмотрел на Мириам.

– В городе эта первая новость, ее передают друг другу на улицах и базарах. Прокуратор Пилат объявил о награде за поимку мятежников. Я боюсь за тебя, Иса. Если ты ничего не найдешь в окрестностях Магалы, прошу, вернись, и я дам тебе больше слуг для охраны.

– Зачем такие хлопоты, госпожа?

– Мириам, – напомнила она свое имя.

– Мириам, – поправился Иса. – Я всю жизнь хожу по дорогам один, и никто меня не трогает, кроме диких зверей. Когда люди узнают, что я могу избавить их от многих болезней, они с радостью предлагают мне и кров и пищу. Ведь сказано: «Вручай в руки целителя жизнь твою, ибо он от Бога, и не отпускай его, пока не излечишься». Для невежественных людей, Мириам, я будто посланник небес. Они надеются на меня и не причинят зла.

– Хотелось бы верить твоим словам, но не все люди думают, как ты. Многие захотят навредить. Ты понимаешь меня? Я просто тревожусь.

– Да, моя заботливая госпожа, – он ласково улыбнулся в ответ. – Не беспокойся, до заката я вернусь.

– Обещаешь?

Он заглянул в изумрудные глаза, словно теплой волной окатил с головы до ног.

– Обещаю, – чуть слышно прошептали губы.

– Береги себя, – и Мириам вознесла молитву могущественной Исиде, прося уберечь путника в дороге.

Когда повозка выехала со двора и высокие тяжелые ворота закрылись, она ощутила посреди двора пустоту. Растерянно стояла под ветвями огромного раскидистого тутовника, а над головой щебетали птицы, радостно встречая первые лучи солнца. Наступал рассвет.

– Он уехал, дочка?– сзади неслышно подошла кормилица.

– Уехал, но к закату обещал вернуться, – печально отозвалась Мириам.

– Пойдем, – Есфирь обняла ее за плечи. – На кухне готов завтрак. Тебе нужно поесть, совсем исхудала за эти дни. Пойдем...

На земляном прохладном полу кухни, в углу, вытянувшись и положив голову на передние лапы, лежал старый пес Яруфа. Служить он не мог, давно ослеп и припадал на задние лапы, но был добр настолько, что позволял детям прислуги лежать у себя на спине, и даже мог прокатить их несколько шагов, словно осел. Пса пожалели, со двора не выгнали, а отвели ему место возле теплого очага.

– Послушай меня, дочка, – начала Есфирь, наливая в кружку теплого молока и выставляя перед Мириам свежие лепешки. – Олива давно созрела, день-два, и начнет падать на землю. Мы потеряем урожай. В этом году, говорят, масло в большой цене. В соседних землях прошло много дождей, олива пропала. Уродила только у нас в Галилеи. Можно выручить хорошие деньги.

Мириам кивнула головой, отломив кусочек маисовой лепешки.

– Все правильно говоришь, кормилица. Но в прошлом году я нанимала сборщиков, а сейчас к нам никто не придет даже за двойную плату.

– Ничего, Мириам, мы и сами со своими людьми сможем собрать хотя бы часть урожая. На полях сейчас отдых, зерно еще не созрело. Можно собрать всех землепашцев, женщин. Даже дети могут подносить пустые корзины, так предложила твоя Сарра. Смышленная девочка. Я поручила от твоего имени всем собраться в роще. Посмотрим, сколько наберется работников.

Мириам задумалась. Даже если работать с раннего утра до позднего вечера, за два-три дня они соберут только половину оливы, остальное пропадет. Время она упустила, и все из-за Исы.

– Я могу попросить помощи у Ферхата, – проговорила Мириам, перебирая спелые финики в чашке. – Только не совсем удобно. Я снова отказала ему.

– Снова? – Есфирь всплеснула руками. – Он опять делал тебе предложение?

Мириам только кивнула. Можно и так сказать.

– Ну когда же ты образумишься, дочка! Пойми, лучшего мужа тебе не сыскать во всей Галилеи. Почему ты не хочешь стать женой такого почтенного и богатого человека? Ты уже вышла из возраста невесты, Мириам. Тебе скоро тридцать. Твои подруги давно имеют детей! Как бы обрадовался твой отец, если бы в доме снова зазвучали детские голоса. Подумай, дочка...

– Я думала, кормилица, но мне нечего ответить почтенному Ферхату.

– Конечно, ты и раньше не очень-то жаловала купца, а уж теперь, когда здесь появился этот несчастный... – Есфирь не договорила, только махнула рукой.

Мириам смутилась и отвела взгляд, кусок финика застрял в горле.

– Что ты хочешь сказать?

– А что я могу сказать? Ничего, Мириам, ничего. Что мне говорить тебе? Ты госпожа, хозяйка такого большого дома. Молода и богата. Что уж мне говорить! Но молодость быстро пройдет, дочка, богатство может иссякнуть. И что останется в конце, Мириам? Ты надеешься, что несчастный скиталец полюбит тебя?

– Мне ничего не нужно от него, – разговор ее тяготил.

Старая Есфирь за долгие годы одиночества успела заменить ей мать, которую она совсем не помнила. Но даже перед ней не хотелось Мириам раскрывать свое сердце и признаваться в том, в чем и сама себе боялась признаться.

– Конечно, не нужно ничего, – согласилась с ней кормилица. – А что у него есть? Дырявая сума да сухая трава. А что там еще было в его сумке, Мириам, каменная пыль и деревянные молоточки? Нищий он и есть нищий, что с него взять! Убогий скиталец... только сможет ли он оценить твою любовь?

– Госпожа, – на пороге кухни возник старый слуга Ионис.

Есфирь замерла на полуслове, с поклоном отступила от стола и, не заметив пса, чуть не упала через его широкую спину.

– Все люди собрались за оградой в роще, – поклонился Ионис. – Ждут ваших распоряжений, госпожа.

– Иди. Я сейчас.

Мириам запахнула легкую тунику, подвязалась широким поясом, пышные волосы убрала под плотный платок, заплела его на манер арабских купчих. Серый хитон надела сверху. Молча взглянула на притихшую кормилицу. Может она и права? Кто знает? И вышла из кухни во двор.

Люди пришли все, и слуги, живущие много лет в доме Мириам, и рабы, которых отец привез еще из Финикии. После его смерти молодая хозяйка предложила всем вольную и отпустила на четыре стороны. Многие ушли, но многие и остались, создали семьи, обзавелись детьми.

Разделение на слуг и рабов осталось по старинке. Жилье тоже делилось, у рабов оно было похуже. Но в благодарность за добросовестный труд Мириам пять лет назад решила обновить крышу, полы, сделать жилище более уютным, поделила его на семьи. Кто хотел уйти и поискать лучшей доли, зажечь своим хозяйством, получали расчет. «Плохой слуга – несчастье для дома», – так всегда говорил отец, и она не забывала мудрых слов.

Мужчины и женщины стояли отдельными группами, тихо беседовали, поджидали хозяйку. Детвора суетилась между ними, затевая игры и шумно споря, кому водить. Проходя мимо женщин, Мириам заметила кухарку.

– Саиса, ты почему здесь? – удивилась она.

– Велели всем прийти, госпожа, – последовал прямой ответ.

– А кто, по-твоему, накормит всех этих людей обедом, если они будут работать весь день? Отправляйся на кухню и забирай свою помощницу, она тебе пригодится больше, чем здесь. И Сарру уведи от греха подальше, – тихо добавила Мириам. – И готовьте все: суп, рыбу, овощи, мясо, хлеб. Воды побольше заготовьте, и пусть Яруф привезет сюда несколько кувшинов на ослах. Ступайте!

Сарра капризно надула губы и не хотела никуда уходить. Пришлось схитрить. Мириам присела возле девочки и зашептала на ухо.

– Сарра, сестренка, ты должна мне помочь. Я присмотрю за работой здесь в саду, а ты будешь принимать полные корзины во дворе и смотреть, чтобы женщины очень тщательно перебирали оливу от сора и листьев. Хорошо? Мне больше некому доверить такую важную работу, иначе масло получится горьким, и никто не захочет купить его.

Лицо девочки просияло от удовольствия. Сарра улыбнулась, чмокнула Мириам в щеку и понеслась вслед за кухаркой.

Работа закипела. Женщины растягивали на весу прочные холсты под каждым деревцем, мужчины поочередно оббивали длинными шестами ветки. Олива градом сыпалась на полотно вместе с листьями и обломанными веточками. Когда первичная работа была завершена, оливу пересыпали в плоские корзины, откуда детвора быстро выбирала нападавший мусор. Женщины переходили на следующее дерево, а высокие мужчины собирали вручную те плоды, кото-

рые так и не опали с веток под ударами шестов. Работа считалась несложной, но медленной и кропотливой. Нужно было собрать все до последней оливы.

Уже ближе к полудню мимо роши по объездной дороге проезжал управляющий купца Ферхата. Издали Мириам узнала его и махнула рукой. Новая красивая повозка, запряженная гнедой лошадкой, свернула с дороги в рошу.

– Араис! – женщина отставила корзину и подошла к вознице, тот почтенно поклонился и пожелал удачного дня. – Передай, пожалуйста, своему господину мою просьбу, если он в городе.

– В городе, госпожа, – кивнул Араис. – Разбирает в лавке новый товар. Собственноручно раскладывает его по полкам. Собирается завтра ехать к вам и привезти ткани, которые вы отобрали.

– Он нужен мне сегодня, Араис. Мои люди не справятся с урожаем, дорог каждый день. Передай почтенному Ферхату, что я прошу у него работников и заплачу двойную цену.

Управляющий задумался.

– Лоза еще не созрела, госпожа. Вы же знаете, у моего хозяина имеется огромный виноградник. Его молодое вино знаменито по всей округе. Я думаю, что он сможет помочь вам людьми. Сразу передам вашу просьбу, вот только доберусь до лавки.

– Спасибо, Араис. Да будет благословен твой путь.

Солнце неуклонно поднималось над горизонтом, жара усиливалась. Смолкли веселые разговоры, мужчины перестали задевать жен задорными насмешками, даже дети притомились от рабочей суеты и чаще отдыхали возле кувшинов с водой. Мириам решила сделать перерыв на обед. Прямо на земле в тени деревьев расстелили грубые тростниковые подстилки, на блюдах разложили хлеб, вареные овощи, рыбу, фрукты. Саиса разливала по мискам из большого чана ароматный кислый суп. Пили только воду, после вина на жару никто не сможет работать, так решила Есфирь. Вместе с Яруфом она снарядила повозку с обедом и приехала в оливковую рошу посмотреть, сколько урожая удалось собрать.

– Вы обнесли почти треть сада, Мириам! – радовалась старая женщина. – Хвала Яхве, если так пойдет и дальше, ты ничего не потеряешь, дочка.

– Нет, кормилица, люди уже устали, да и солнце решило сегодня испепелить землю. Правда, до вечера далеко, но если завтра продолжить работу, тогда сегодня стоит хорошо отдохнуть. Я знаю, как болит тело после сбора такого урожая, как будто палками били тебя, а не дерево.

– Правду говоришь, дочка, правду, – кормилица присела на походный стул и тяжело вздохнула. Все утро она помогала Саисе на кухне и теперь еле держалась на больных ногах. – Но если бы ты видела свою Сарру, Мириам, – Есфирь заулыбалась беззубым ртом. – Вот уж никто не скажет, что она дочь прокаженной нищенки. Отдавала распоряжения, приказывала слугам, как настоящая госпожа! Такая маленькая девочка, а работает наравне со взрослыми женщинами. Каждый листочек выбирает из корзинки да еще приглядывает за работой остальных. Я попрошу завтра Саису сделать для нее пирог с абрикосом и смоковницей, как она любит...

Тихая болтовня кормилицы навеяла на уставшую Мириам истому. Она сидела рядом прямо на земле, облокотившись спиной о ствол оливы, и сон наваливался на плечи, словно тяжелый овечий платок.

– Погляди-ка, Мириам, что за люди идут сюда со стороны крайней улицы? – Голос Есфирь с трудом пробился до сознания сквозь завесу сна. – Мои глаза так далеко не видят. Не было бы беды...

Мириам очнулась и тревожно взглядела в толпу мужчин. В руках они несли огромные виноградные корзины и длинные шесты, за ними следовала большая повозка, запряженная парой белых лошадей. Эту пару Мириам знала хорошо, ее купил Ферхат в Ершалаиме позапрошлым летом.

– Хвала Исиде! Ферхат прислал своих людей, кормилица, не беспокойся. Я попросила у него помощи.

– И правильно сделала, дочка, правильно. Почтенный купец не будет наживаться на чужой беде, уж очень он любит тебя... Иди, встречай его, а я с Яруфом посуду домой отвезу.

Мириам радостно приветствовала купца.

– Ну, наконец-то небо услышало мои молитвы, – Ферхат сам расстелил под тенью дерева толстый ковер. Жестом предложил Мириам сесть рядом с ним. Та согласилась. – Одно слово, луна моя, и я спешу к тебе, целуя твои руки. Посмотри, сколько людей я привел в твой сад. Дома остались лишь женщины да козы с баранами.

И он задорно рассмеялся собственной шутке. Мириам быстро подсчитала слуг Ферхата – двадцать человек. Каждый выбрал себе по дереву и срывал в большую корзину спелую оливу.

– Благодарю тебя, уважаемый Ферхат. Пусть боги даруют тебе долгие годы. В этом городе никто мне не поможет. Люди отворачиваются от меня, и не знаю почему...

Улыбка застыла на смуглом лице. Пригладив бороду, купец проговорил очень тихо, чтобы никто не услышал.

– О боги мои, женщина, ты и вправду не знаешь причину?

Мириам судорожно сглотнула, но Ферхат не дал ей открыть рта, наклонился ближе и зашептал.

– Есть один человек, моя госпожа, он ходит по базарам, по улицам, заходит в лавки и рассказывает о тебе дурные вещи. И все из-за той прокаженной. Зачем ты оставила в доме ее ребенка? Люди боятся, что она заразит и тебя, и твоих слуг. Обходят твой дом стороной. Хвала Богам, что он стоит за городом.

– Но это случилось давно. Почти два месяца прошло, как Сарра в моем доме. Неужели в Магдале больше нечего обсуждать на базарах? Я надеялась, что все давно забыли.

– Люди ничего не забывают, моя госпожа, а этот человек делает все, чтобы они не смогли забыть.

– Как такое могло случиться, Ферхат? Почему люди верят ему? Кто он?

– Сколько вопросов, луна моя, – купец осмотрелся по сторонам. – Что ему нужно, я пока не выяснил, но мои люди следят за ним и днем и ночью. Я знаю каждый его шаг. Имя ему Иуда.

– Иуда? – Мириам принялась лихорадочно перебирать в памяти тех, кто мог носить такое имя. Не вспомнила никого. – Я не знаю такого человека.

– Он приехал в наш город недавно, кажется, из Кириафа. Молод, недурен собой, живет с матерью и сестрами на кожевенной улице, где стена старого развалившегося храма выступает ближе к озеру. Ничем не занимается. Но семья не бедствует, деньги есть. Мать каждый месяц жертвует местной общине сто монет. – Ферхат задумался. – После того пожара на скотном дворе, от него можно ожидать чего угодно. Но сейчас он находится под наблюдением, если задумает что-то недоброе, мы успеем опередить его. Только...

Купец внезапно замолчал на полуслове. Мириам не сводила с него глаз.

– Только что? – сдалась она. – Договаривай, почтенный Ферхат.

– Не знаю надо ли мне говорить тебе это, Мириам. Боюсь, мои слова еще больше расстроят тебя, луна моя.

– Говори!

– Твоим именем богатые иудейки пугают молоденьких девиц, поучая их в соблюдении чести, Мириам, – купец замолчал.

– Я ничего не могу понять, – она растерянно пожала плечами. – О чем ты говоришь, уважаемый Ферхат?

Купец долго мял оливковую ветвь, пока не разломил ее пополам, подбирая осторожные слова, чтобы не обидеть любимую женщину. Он отвернулся от Мириам в сторону и проговорил очень тихо, но она услышала.

– Тебя называют продажной женщиной, Мириам, и такими словами, которые мне стыдно произнести, потому что я знаю – все ложь. Но слух по городу идет, и он распространяется быстрее огня.

– Кто пустил его? – Мириам резко поднялась с ковра. Она застыла, гордо вскинув голову, глядя прямо в глаза Ферхата.

– Все тот же Иуда, – купец не отвел взгляда.

– Но почему? – в женских глазах заблестели слезы

– Ты одинока, луна моя, – чуть слышно ответил Ферхат. – За тебя некому заступиться. Твоя свободная жизнь вызывает у многих зависть. Твоя одежда – легкая туника и золотые сандалии, а не черный хитон и грубые наалаим. Ты красива, умна и свободна, ни перед кем не опускаешь гордую голову. Молишься только своим богам, а их бога не почитаешь. Люди поверят во все скверное, Мириам... Пусть кто-нибудь из слуг проводит тебя домой, тебе нужно отдохнуть. Я сожалею, что причинил тебе боль.

Мириам запахла полы голубого хитона. Нет, Ферхат ни в чем не виноват. Прогуливаясь по базару, она давно примечала на себе ненавистные взгляды женщин и похотливые улыбки мужчин. Никто не подаст ей руки, только Ферхат. А что скажет Иса? Она отступила на шаг, расправила поникшие плечи.

– Спасибо за помощь. Завтра же пришлю деньги за работу твоих рабов, почтенный Ферхат.

Купец не обиделся, он заметил перемену и сразу понял, к чему она клонит.

– Ты знаешь, госпожа моя, деньги я от тебя не возьму, – он спокойно скрестил руки на груди. – Присядь лучше и послушай. Вот слуга принес тебе стул.

И Ферхат почти силой усадил строптивую Мириам.

– Какая же ты все-таки глупая, женщина. И гордая! Гордость и погубит тебя, в конце концов, Мириам. Разве можно так обижать меня, и за что? За то, что я столь откровенен с тобой, пытаюсь по-дружески предостеречь. Да пойми же, тебе опасно одной выходить на улицу. Тебя могут забить камнями, как блудницу! Ты этого хочешь?

Он говорил слишком громко, и женщины, неподалеку перебиравшие в корзинах оливу, невольно прислушивались к разговору.

– Все! – опомнился купец. – Больше ни слова не скажу, пока не останемся одни. Завтра я обещал привезти ткани, вот завтра и поговорим. А у тебя, Мириам, будет время подумать, как вести себя дальше. Располагай мной, госпожа моя, – Ферхат поклонился и отправился домой пешком.

Работу закончили с последним лучом солнца. Никто не ожидал, что удастся собрать весь урожай за один день. Лишь в конце сада осталось несколько корявых деревьев, но они могли дождаться и следующего дня. Весь внутренний двор заставили корзинами спелой оливы. Когда же корзины закончились, урожай продолжили ссыпать на тростниковые подстилки. Теперь эта гора красовалась посреди двора.

Под кроной тутовника Мириам приказала выставить длинные столы для праздника. В стороне у колодца развели костер, повесили на вертелах тушки молодых ягнят. Весь двор освещали яркие факелы, украшенные ветвями оливы. После тяжелого дня хотелось веселья, шумного и сытного ужина. По чашам разлили вино.

– Люди заслужили праздник, – довольная Есфирь присела за стол рядом с Мириам. – Это ты хорошо придумала, дочка. Посмотри на них, все устали, так добросовестно работали, с ног валились, но никто не ушел отдыхать. Все здесь со своими детьми. Давно не было у нас такого праздника, пусть люди повеселятся.

Мириам подняла голову и осмотрелась вокруг. Среди уставших, но радостных лиц, среди шумных, веселых криков детворы, за хлебосольным угощением и хорошим вином она ощутила ту же пустоту, которая накрыла ее еще утром, когда уехал Иса. И только сейчас после длинного,

хлопотного дня, после неприятного разговора с Ферхатом, она поняла: давно наступила ночь, а *он* не вернулся.

6.

Придумывая возможные причины того, что могло заставить его нарушить данное обещание и не вернуться, Мириам довела себя до исступления. Она, как загнанная лань, металась всю ночь по комнате, где еще вчера ночью спал Иса, и пыталась найти хоть одну вещь, которую бы он случайно оставил, покидая ее дом. Не нашла ничего. Все то, немногое, что принадлежало ему, он забрал с собой, и ушел, как будто его здесь и не было вовсе.

Она то и дело подходила к распахнутому окну, прислушиваясь к звукам ночи, шорохам, случайным ударам, к лаю собак. И все ей казалось, что скрепит колесо повозки, на которой он уехал ранним утром, или слышался крик слуги с просьбой открыть ворота. И тут же она бросалась на открытую террасу и уже с нее вглядывалась в темноту пустого двора, с замиранием сердца прислушиваясь к звукам. Но, нет! Никто не просил пустить усталого путника, никто не ждал у закрытых ворот.

Простояв какое-то время босыми ногами на каменном полу террасы, она, содрогаясь от холода посреди жаркой безветренной ночи, снова возвращалась в комнату Исы. Лишь на несколько минут Мириам позволяла себе присесть на постель, положив разгоряченную голову на край подголовника, хранившего его запах. И снова вставала, и снова начинала бродить по комнатам, пытаясь согреться от нервного озноба.

Ночь тянулась также долго, как и прошедший день. Загнанная больными, безумными мыслями в угол собственного сознания, она могла думать только о плохом. Воображение рисовало все новые и новые картины его страшной, мучительной смерти. И она жалела о том, что отпустила его одного, что не сказала напоследок добрых слов. Она так и не сказала ему, как он стал ей дорог...

Измученная бессонной ночью Мириам встретила безутешный рассвет. Он не вернулся и утром. Свернувшись по-кошачьи и поджав под себя босые ноги, она тихо лежала на постели. Пальцы перебирали белые жемчужины на шелковой нити, а слезы из глаз скатывались по щекам вслед за жемчугом. Она ничего не видела и не слышала вокруг себя, хотя глаза не закрывались ни на минуту. Долгим, не моргающим взглядом смотрела на Венеру и шептала молитву. Такой ее нашла утром Есфирь. Никакие увещания и хлопоты кормилицы на Мириам не действовали. На вопросы она не отвечала, только упрямо сжимала губы.

Когда же ближе к обеду открылись ворота и во двор въехала повозка купца, нагруженная тканями и подарками, Есфирь первая выбежала к нему навстречу. С дрожью в голосе поведала она Ферхату обо всем, что произошло в доме с момента появления странного путника. Заклиная купца помочь в неожиданном горе, как на духу, призналась кормилица и в подозрениях зарождающейся любви в сердце своей госпожи.

С тяжелым взглядом выслушал Ферхат все старушечьи жалобы и без приглашения поднялся на верхний этаж, но отыскав спальню Мириам, в замешательстве остановился на пороге. Женщина не заметила его появления, также лежала, содрогаясь от нервной дрожи, безумными глазами уставившись на старинную фреску.

Купец, не осмелившись приблизиться к ложу, подобрал полы широкого халата и уселся прямо на полу. Он смотрел на женское горе, и сердце его сгорало в огне ревности. Понимал мудрый Ферхат, что все его надежды и мечты испарялись быстрее росы посреди знойной пустыни. Глубоко вздохнув, он пригладил седую бороду и тихо запел песнь Соломона.

– Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди. Вот, зима уже прошла, дождь миновал, перестал; цветы показались на земле: время пения настало, и голос горлицы слышен в стране нашей; смоковницы распустили свои почки, и виноградные лозы, расцветая, издают благовония. Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди. Голубица моя в ущелии скалы

под кровом утеса. Покажи мне лицо твое, дай мне услышать голос твой, потому что голос твой сладок и лицо твое приятно. Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди.

Ферхат перевел дыхание, голос его усиливался, эхом отлетал от каменного пола.

– Куда пошел возлюбленный твой, прекраснейшая из женщин? Куда обратился возлюбленный твой? Мы поищем его с тобою...

Мириам очнулась от долгого забвения. Она приподнялась, увидела Ферхата и протянула к нему руки. Он не заставил себя долго ждать, словно помолодевший на двадцать лет, вскочил на ноги и бросился в желанные объятия. Мириам спрятала лицо на его груди. Слезы душили горло. Сквозь беззвучные рыдания послышался ответ.

– На ложе моем ночью искала я того, которого любит душа моя, искала его и не нашла его. Мой возлюбленный пошел в сад свой, в цветники ароматные, чтобы пасти в садах и собирать лилии, – Мириам не смогла больше сдерживать слез.

– Ну что это такое, женщина? – Ферхат посмотрел на любимое лицо, нежно вытер слезы, обнял за плечи и привлек к себе. Мириам не сопротивлялась, тело ее содрогалось от рыданий. – Я понимаю, горе твое безутешно, но и ему можно помочь. Мы попробуем отыскать твоего несчастного странника, луна моя. Он не мог далеко уехать. Кто-нибудь да видел его. Есфирь сказала, что ты дала ему повозку и слуг в сопровождение. Он не один. Может, увлекся сбором трав и не заметил, как прошел день, а вернется сегодня к вечеру. И все будет хорошо. Не стоит так убиваться. Взгляни на свое лицо, на заплаканные глаза, на темные круги под глазами. Солнце погаснет для меня и день перестанет существовать, луноликая моя, если твоя красота станет бледнее от горя твоего, Мириам. Послушай старого Ферхата, моя госпожа, ты должна восстановить свои силы и ждать известий. А я сам займусь поисками. Вечером навещу тебя, и если снова увижу заплаканное лицо, ничего не расскажу. Так и знай!

– Я тоже отправлюсь на поиски, – Мириам подскочила с постели, вырываясь из нежных объятий.

– Нет, женщина. На этот раз я буду непреклонен, – Ферхат развел руки в стороны и категорично закачал головой. – Пока я не получу хоть какие-нибудь известия, ты с места этого не сойдешь, Мириам, клянусь своими детьми!

Угроза подействовала, она сдалась.

– Хорошо, но ведь ты сделаешь все возможное, почтенный Ферхат?

– И возможное, моя госпожа... и невозможное, – чуть слышно добавил купец.

Есфирь осторожно попросила позволения войти. Весь разговор она подслушала под дверью и теперь спешила напоить хозяйку теплым отваром имбиря. Ферхат не хотел мешать, тут же собрался уходить, но стоя в дверях, оглянулся и тихо спросил:

– Чем возлюбленный твой лучше других возлюбленных, прекраснейшая из женщин? Чем возлюбленный твой лучше других, что ты так заклинаешь нас?

Мириам ничего не смогла ответить, только закрыла ладонями лицо. Ферхат понял все и без слов. То, чего он так желал всем сердцем последний год, наконец, случилось с его возлюбленной, но выбрала она не его...

Как не было ему горько, и сердце не разрывалось в груди от жгучей ревности, Ферхат сдержал слово. После возвращения домой он сразу же разослал по округе Магалы людей в поисках Исы. Ближе к вечеру появились первые вести, а с наступлением ночи Ферхат засобиравался к Мириам, зная, что та до утра будет ждать его и не уснет, пока не услышит все, что удалось узнать верным следопытам.

Мириам действительно ждала Ферхата. Уже с вечера она велела накрыть стол на верхней террасе, зажечь факелы, расстелить на холодных плитах мягкие ковры. Встречала купца как самого дорогого и желанного гостя, держалась спокойно, сдержано. На приветствие его ласково улыбалась. Отослала служанок, сама разлила по серебряным кубкам красное вино, выбрала самые прожаренные румяные куски мяса и положила на блюдо перед Ферхатом. Не задала ни

одного вопроса, не произнесла ни одного слова. Отпив вина, купец сжалился над заботливой хозяйкой.

– Сколько чести для такого скромного гостя, Мириам! Не стоило так хлопотать. Я сыт, и лишнее мне не впрок. Надеюсь, за всеми приготовлениями тебе удалось отдохнуть, моя госпожа?

– Да, почтенный Ферхат, кормилица не отходила от меня целый день, пока я не уснула. Мне уже намного лучше.

– Я рад это слышать, потому что тебе понадобятся силы, чтобы выслушать меня.

Она побледнела, прижала руки к груди.

– Не надо расстраиваться, женщина, – успокоил Ферхат. – Ничего страшного пока не произошло. Твоего странника видели и не один раз. Правда, в своих поисках он покинул пределы Магдалы, но живой и невредимый.

– Рассказывай, Ферхат, не томи меня, – взмолилась Мириам.

– Сначала его приметили двое нищих на перепутье дорог, где много лет назад сгорела смотровая башня перед поворотом на Кану.

Мириам согласно кивнула головой, она знала то место, там широкие просторы пастбищ и лугов, неудивительно, что Иса выбрал именно эту дорогу.

– Пилигримы получили от него еду и воду, поэтому хорошо запомнили странного путника. Ближе к Кане лежит небольшая роща. Там его видели в кочевом племени саддукеев. Он вылечил одного мужчину от многолетней боли в спине и помог молодой женщине благополучно разрешиться родами. На это у него ушел почти весь день. Там он и заночевал. Старейшина племени ни за что не хотел отпускать его в дорогу до рассвета. Плату от саддукеев он не принял, но молодой отец в благодарность загрузил его повозку корзинами с фруктами и кувшинами с водой. Где убыло, там и прибыло. Как видишь, луна моя, он и сам может прокормиться своим ремеслом. Да... – Ферхат задумался, пригладил бороду, допил терпкое вино.

– Чье вино? Откуда? – поинтересовался он, прерывая рассказ.

– Старого Иосифа из Назарета, – Мириам наполнила кубок до краев. – Если понравилось, я прикажу завтра же доставить вино в твою лавку, почтенный Ферхат. Но ты не сказал, куда отправился Иса дальше?

– Дальше его след потерялся, моя госпожа. Где он был сегодня неизвестно к сожалению. Многих расспрашивали о нем: торговцев, купцов, бродяг, рыболовов, пастухов. Но тщетно, никто его не видел, Мириам. Мои люди получили приказ следовать до Тивериады. Завтра к вечеру получим новые известия. А пока тебе нужно будет немного подождать. Есть какие-нибудь дела по дому? – поинтересовался Ферхат.

– Да, – Мириам рассеянно кивнула головой. – Весь двор завален оливой, сегодня начали отжим на маслобойне. Надо проверить работу и узнать у торговцев на рынке начальную цену.

– Вот и хорошо. Отвлекись от грустных мыслей. А цену можешь не узнавать, в этом году она высока. Везде неурожай. Ты возьмешь за масло большие деньги, а это всегда приятно, – Ферхат взглянул на равнодушное лицо Мириам и осекся. – Не переживай так, луна моя. Мы обязательно его отыщем. Случись плохое, уже бы узнали, такие вести всегда приходят первыми.

Со стороны озера подул свежий ветер, Мириам вздрогнула, накинула на плечи теплую накидку. Она никак не могла согреться, дрожь била все тело. Успокаивало только одно: Иса был жив, и сейчас где-то под звездным небом он коротал черную ночь. От выпитого вина немного кружилась голова, страдающая душа успокоилась, улеглась, сами собой нахлынули воспоминания.

– Твоя правда, почтенный Ферхат. Я помню, как такие же слова всегда повторял мой отец. Но это было очень давно... Несчастья приходили в наш дом одно за другим. Сначала умерла мать. Я не помню ее, кормилица рассказывала о ней перед сном. Она долго болела и до

последней минуты не верила, что может умереть. Вся ее жизнь заключалась в любви к мужу и детям. Нас было трое: брат Лазарь, сестра Наина и я. Через три года после смерти матери старший брат решил перебраться с молодой женой на другой берег озера и жить отдельным домом. Отец помог Лазарю прикупить в Гамале хороший дом и участок под виноградник, хотя тому была по душе лодка и рыбацкие сети, но отец настоял на своем... В один весенний день пришли плохие вести. Я хорошо запомнила тот день. Наина дала мне поиграть своими красивыми бусами и ракушечным ожерельем. Я так долго об этом мечтала... Гамалу осадили персы, всех жителей уничтожили, и с тех пор я ничего не знаю о семье брата. Помню, отец пытался найти их, но после поисков вернулся седой и целый месяц ни с кем не разговаривал, даже со мной, со своей любимой Мириам.

Наина была старше меня на шесть лет. Когда ей исполнилось семнадцать, женихи не давали прохода. Она была красивая, стройная, высокая, пела веселые песни. Долго затягивать со свадебным обрядом не стали, отец опять решил все сам. Подыскал богатого мужа и отвез в другой город в чужой дом. Я не видела сестру целых два года, а когда она приехала на пасху проведать меня и отца, не узнала ее. Из цветущей девушки Наина превратилась в старуху. Богатый муж оказался слаб на вино и часто любил распускать руки. Избивал ее сначала дома, потом выволакивал за волосы на улицу и бил прилюдно на потеху толпе. Когда об этом узнал отец, то пригрозил зятю судом и большим штрафом за увечье дочери, но тот только рассмеялся. На следующий день они уехали обратно домой. Я помню, как прощалась со мной сестра, она знала, что больше мы не свидимся. Через три дня пришли плохие вести. Он забил ее до смерти, Наина ждала ребенка...

Мириам замолчала. Ферхат ждал, не произнес ни слова. Тишина стояла вокруг, только где-то в саду трещали цикады, а на террасе полыхал огонь факелов. Женщина посильнее закуталась в накидку, сделала глоток вина.

Она никогда и никому не рассказывала о своей семье. Все, что ранее знал Ферхат о ее жизни, ему удалось узнать от Есфирь. Но и та, безгранично преданная своей хозяйке, немного поведала любопытному купцу. Теперь же, слыша все из первых уст, Ферхат запоминал каждое слово, любую подробность.

– Когда мы с отцом остались одни после свадьбы сестры, он пытался обучать меня грамоте – непозволительной роскоши для женщины. Помню, Есфирь украдкой наблюдала за нашими занятиями и вздыхала, думая, что хозяин глупостями занимает девичью голову. – Мириам улыбнулась, взглянула на Ферхата, и его сердце затрепетало в ответ на ласковый взгляд. – А после смерти Наины отец замкнулся, все винил себя в ее гибели и каждый день ходил на могилу жены просить прощения... Фреска Венеры, что находится на стене моей комнаты, работа отца, – Ферхат удивленно вскинул брови. – Да, да... Он умел изображать то, что другим не дано было увидеть. Тоскуя по жене, он нарисовал ее, как помнил... какой хотел помнить всегда. В наш дом часто заезжали гости, богатые купцы, останавливались проездом римляне. Кто-то заметил фреску и высоко хвалил мастерство отца. А однажды ему предложили заказ: разукрасить подобными картинами целый дом в Тире, что в Финикие, недалеко отсюда, всего лишь соседняя земля, берег моря. Раньше я никогда не видела море... Я думаю, отец согласился, чтобы покинуть свой дом, в котором уже не был счастлив. Мне даже не пришлось его долго уговаривать, он взял меня с собой, не хотел расставаться даже на один день. Нашел хорошего управляющего, и в одно прекрасное утро мы уехали из Магалы. Больше сюда он не вернулся.

Мириам задумалась. Как не хотелось ей в эту минуту облегчить свои душевные страдания, дальнейшее повествование вызывало сомнения: надо ли все рассказывать Ферхату, не отвернется ли он от нее после того, что услышит? Но любовь и преданность верного друга развеяли лишнюю тревогу, и она продолжала.

– Работа увлекла отца настолько, что невозможно было и вообразить. Он начал жить заново. Каждый день, проведенный возле стен на возвышенных мостках с картинами и красками, давал ему новую силу. Мастерство его улучшалось с каждым новым заказом, с каждой фреской. Мы кочевали вдоль побережья из одного города в другой. Вскоре отца пригласили в Афины. Он поехал, не задумываясь. Но я росла рядом и не могла с утра до вечера сидеть на полу и подавать кисти. В Афинах предстояла долгая работа, и отец отдал меня в храм Исиды. Там прошли мои лучшие годы. Жрицей я не стала, храм был для меня временным пристанищем, поэтому и в жертвоприношениях я не участвовала. Но танцам меня обучили и не только. Раз в году в день летнего солнцестояния в храме устраивались жертвоприношения иного рода. Отбирались несколько молодых девушек для мужчин из соседнего храма. Акт их любви прямо на алтаре Исиды приветствовался старшими жрицами. Помню разгневанное лицо отца, когда я с воодушевлением рассказала ему о предстоящих приготовлениях к празднику. В тот же день он забрал меня из храма... Потом был Рим. Там отец обучался ремеслу у более опытных мастеров. Все шло своим чередом. Денег хватало, жили мы более чем скромно, а плата за картины была высока. Я росла. Моим увлечением стали пергаменты, древние свитки, латинский и греческий, мудрецы и философы, астрономия и геометрия. Рим – это древняя чаша веков, наполненная до краев познаниями, которые раскрывались человечеству с начала всех времен.

Но когда отцу надоело каждый месяц стричь мне волосы, да и грудь невозможно было скрыть под туникой, меня перестали пускать на философские споры в театр, закрылись двери библиотеки. Я заскучала возле фресок отца. Меня интересовало то, что было доступно лишь мужчинам. Отец заметил перемену моего настроения и как-то вечером вынудил признаться о заветной мечте. Александрия! Я грезилась ею во сне и наяву. Через два месяца работа в Риме была закончена, и мы отправились на корабле в Александрию. И там отец быстро нашел работу, а мне учителя латинского, математики и астрономии. Целыми днями я просиживала в хранилищах библиотеки и под видом помощника учителя помогала переводить древние рукописи и то, что от них осталось после пожара. Никогда я не испытывала большего счастья, чем в те далекие дни.

Когда ты молод, стремишься быстрее жить и не замечаешь, как проносятся годы, как быстро и незаметно стареют возле тебя родные люди. Однажды вечером, сидя на любимой скамье возле нашего жилья, отец задумчиво провожал закат. Последние лучи солнца освещали седую голову, и я вдруг увидела уставшего старца: лицо изменилось, осунулось, заострился нос, появились глубокие морщины. Я увидела его лицо другим, каким раньше не замечала: чужим, незнакомым, но лишь на несколько минут. Он очнулся от своих грез, а я от своего видения.

Однажды он позвал меня посмотреть завершённую работу. За нее заплатили больше, чем ожидалось, но отец был печален в тот день. Он подвел меня к фреске, к точной копии той, что осталась у нас дома в Магдале. Я помню его слова: «Она первая, она же и последняя». На следующий день мы возвращались домой. Я до сих пор не знаю, почему он так решил. Может быть, примирился со своей совестью, или его простили те, кого он подвел, а может после стольких лет горе притупилось, а боль перестала терзать его сердце... не знаю, – Мириам перевела дыхание, немного успокоилась, допила вино и поставила пустую чашу на стол.

– Мы возвращались морем. За два десятка монет капитан греческого судна согласился довести нас до Птолемаиды, от нее было уже рукой подать и до Магалды. Но в Иоппе на судно погрузили огромные тюки хлопка арабского купца, а небольшой отряд сирийцев сопровождал ценный груз. На корабле всем хватило места, все разместились на палубе. Ночью началась попойка. Громкие крики пьяных, непристойные песни никому не давали спать. Отец решил выйти из пропахшего рыбой трюма и подышать свежим воздухом. Я попросилась сопровождать его, но он велел ждать внизу... Я долго ждала, не могла заснуть. Потом не выдержала, поднялась на палубу и нашла его возле свернутых канатов, он не мог встать, отнялись ноги. С большим трудом кое-как подняла его, подхватила под руку, но тут случилось то, чего не

могу забыть столько лет... Двое пьяных охранников заприметили меня, как я выходила из трюма, выждали удобный момент и напали сзади... все произошло так быстро, я даже не успела закричать, мне заткнули рот. Отец не пришел мне на помощь, он обессилено стонал рядом в нескольких шагах, отброшенный одним ударом... Странно, но я ничего не чувствовала... помню только руки, жирные, липкие руки, терзавшие мое тело... Все мои мысли были об отце, я чувствовала только его боль и страдания из-за меня... Когда все закончилось, напоследок один из мерзавцев ударил отца кинжалом в грудь и выбросил тело за борт... Я кричала, долго звала на помощь, потом потеряла сознание. Не помню, как пережила весь ужас, как добралась домой, помню, лишь капитан корабля сжалился надо мной и дал мне в сопровождение своего человека. Он и доставил меня в Магдалу. Дома я рассказала только о смерти отца, даже старая Есфирь не знает всей правды. Никто не знает, кроме тебя, почтенный Ферхат.

Купец поднялся с места, молча подошел к Мириам. Преклонил перед ней колени и поцеловал руку, затем нагнулся, осторожно приподнял край туники и поцеловал ноги. Она застыла от удивления, оцепенела, словно во сне. Нахлынувшее чувство стыда заставило пожалеть о своем откровении. Ферхат медленно поднялся с колен.

– Никто и никогда не узнает от меня то, что я узнал сегодня, женщина. Твоя тайна умрет вместе со мной. Ты всегда можешь рассчитывать на мою помощь, даже не сомневайся, приказывай, и все будет исполнено для тебя.

– Благодарю тебя, уважаемый Ферхат. Но мы засиделись, уже поздно, – Мириам грустно улыбнулась. Факелы давно догорели, одинокая свеча освещала стол и террасу.

Желтый свет полной луны заливал двор, было светло как днем. И лишь черная тень от раскидистого тутовника покрыла собой дальний угол двора и входную дверь на кухню. В этой тени никем незамеченная притаилась сгорбленная фигура старой кормилицы.

Со стороны города послышался приглушенный топот копыт. С каждым мгновением он становился отчетливее. Через минуту в ворота застучали, выкрикивая имя Ферхата.

– Слава богам! – забеспокоился купец. – Наверное, поздний гонец. Пусть проводят его сюда или нет, я сам спущусь. Все слуги давно спят.

Мириам перегнулась через перила террасы. Яруф уже бежал через двор открывать ворота. Въехал всадник, его загнанный конь еле держался на ногах, с уздечки хлопьями свисала белая пена. Ферхат только всплеснул руками. Пропал жеребец! К утру издохнет. За всадником въехала повозка. На козлах сидел слуга, которого Мириам дала в сопровождение Исе. Выслушав короткий рассказ гонца, купец почти бегом поднялся на террасу.

Мириам не находила себе места.

– Что он сказал? – кинулась она к Ферхату.

– Его забрал отряд римских легионеров во главе с центурионом Терпрасием. Они уже два месяца ведут розыск повстанцев на этих землях. Задерживают всех, кто не может предоставить о себе точных сведений.

– Куда же его отвезли?

– В Капернаум. Во дворец. Отряд остановился там. Мой человек отыскал повозку неподалеку от ворот дворца и твоего слугу, который подтверждает эти слова.

Мириам устало опустила на ковер. Ей слышался голос старца возле колодца. «Найди его! Найди его!».

– Я найду его, – прошептали дрожащие губы.

7.

Весь следующий день ушел на подготовку отъезда в Капернаум. Первым делом Мириам приказала отжать всю оливу. Темно-зеленую жидкость с горьким привкусом разлили по глиняным кувшинам и бережно грузили на повозки. Торговец Матфей забирал все масло за такую цену, о которой Мириам не могла даже и мечтать. Пятьсот монет! Предсказания Есфирь сбылись: масло оценивали на вес золота.

Мириам могла только радоваться. Деньги на выкуп Исы у нее были. Еще ночью, когда прибыл гонец, она уговорила Ферхата послать расторопного слугу к центуриону с посланием.

– Я напишу, что Иса является владельцем большого поместья в Магдале и моим мужем. Попрошу позаботиться о нем и никуда не отпускать, пока я лично не привезу ему деньги на откуп.

Какое-то время Ферхат думал, что ослышался. Любовь этой женщины рушила все препятствия, сносила преграды, не боялась ни подкупа, ни лжи, попирала устои и обходила законы. Он видел лишь радостные глаза, счастливую улыбку и завидовал нищему лекарю, непомнящему откуда родом, но которому удалось заполучить столько богатства, сколько и во сне не приснится.

– Хорошо, луна моя, – сдался Ферхат. – Может быть, твоя хитрость и оправдает себя, но одна ты не поедешь. Я соберу отряд, и сам буду сопровождать тебя.

Мириам согласилась. На следующий день с первым лучом солнца выехали из Магдалы. Она торопилась и постоянно молилась Исиде за сохранение своего Исы. С Есфирь они всю ночь зашивали монеты в широкий пояс, и его тяжесть железным обручем давила на тонкую талию. Мириам взяла в дорогу одну служанку и незаменимого Яруфа. Ферхат снарядил для охраны десятков проверенных саддукеев, которые уже много лет сопровождали его торговые караваны по пустыням и дорогам Палестины.

В Капернаум въехали, когда солнце высоко стояло над горизонтом. Их дважды останавливали римские посты, проверяли повозки, спрашивали о цели приезда. Когда же Ферхат остановил отряд у ворот дворца, Мириам отказалась от отдыха и без промедления решила отыскать начальника капернаумской сотни.

Дворцовая стража насторожено отнеслась к ее просьбе вызвать центуриона. Тогда Мириам настойчиво и незаметно сунула в руку стражника золотую монету. Подкуп римского воина карался смертной казнью, но стражник подмигнул двум караульным, и женщину пропустили через ворота. Ферхат остался у стены, его пропускать не захотели. В сопровождении двух охранников Мириам прошла во внутренний двор, где располагались армейские казармы, под которыми находилась дворцовая тюрьма.

Центурион Терпрасий, несмотря на ранний час, завершал обход заключенных. Уставший от долгой службы и палестинской жары, он в тайне мечтал о заслуженной пенсии и назначение в Капернаум считал последним на службе кесаря. Коренастый, широкоплечий, огромного телосложения он обливался вонючим, липким потом, словно дождем. Вся его короткая туника под тонкой кольчугой была пропитана им насквозь. И это только утро! Мириам он встретил, выходя из подземелья, щурясь на яркие солнечные лучи после темных казематов. Когда его глаза привыкли к свету, центурион, не стесняясь, разглядел незнакомку. Красива, стройна, одета богато, наверное, из дворцовой прислуги.

– Что угодно ставленнику кесаря? – проходя мимо женщины, он задал вопрос на ходу. Ответа не последовало.

Центурион остановился, взглядом окинул Мириам еще раз. Она молчала. Вся ее храбрость куда-то подевалась, а язык не хотел шевелиться.

– Ты иудейка?

Мириам кивнула.

– На романском можешь говорить?

Кивнула опять.

– Хорошо. Иди за мной.

Мириам, а за ней и стража, последовали за центурионом. Они прошли по каменному настилу двора, миновали высокую арку на двух колоннах, поднялись по лестнице в крытую колоннаду. Здесь в прохладном укромном месте возле круглого бассейна с фонтаном центурион обосновал себе тихое место для отдыха в часы покоя. Жестом руки он приказал страже остаться у входа, Мириам же указал на каменную скамью. Сам стал прохаживаться возле фонтана, поглядывая на незнакомку. Он пытался вспомнить, видел ли ее в свите царедворца или нет? Такую красавицу не мог не заметить. Наконец, не выдержал.

– Кто ты?

– Мириам, – послышался робкий ответ.

– Мария, – уточнил центурион. – Так понятнее, чем ваши имена. Я не видел тебя раньше при дворе.

– Я не служу здесь. Я не из дворца, – пояснила женщина.

– Тогда откуда?

– Из Магдалы.

– Еще имя есть?

– Нет... Зачем?

– Марий столько, что можно ошибиться. У вас каждая вторая Мириам, каждая третья Рахиль, а каждая четвертая Иоанна. Нужно второе имя, чтобы отличаться от других, – пояснил Терпрасий. – К имени можно добавить название местности, где родилась, или каким ремеслом занимаешься, замужняя женщина может взять имя мужа. Понятно?

Мириам опять кивнула головой. Зачем ей новое имя? Тридцать лет устраивало и такое.

– Что привело тебя ко мне? – Терпрасий присел рядом на скамью, смотрел на женщину не отрывая глаз. Давно не был он в Риме, давно не видел такой красоты.

– Я ищу мужа. Его зовут Иса. К тебе, центурион, я вчера отправила слугу с посланием. Получил ты его?

Терпрасий удивленно посмотрел на длинный стол, заваленный свитками. Нужно было давно заняться посланиями из Кесарии. Какое здесь письмо из Магдалы, есть ли время все читать? Он нахмурился, вытер со лба крупные капли пота.

– Нет, я не получал твоего письма. Но раз ты здесь, расскажи все сама.

– Я же сказала, – первый страх прошел, и Мириам начинала сердиться, – что ищу мужа. Твои солдаты схватили его возле Каны два дня назад и привезли сюда.

– Мои воины не хватают, кого попало на дорогах, у них есть приказ, – центурион гневно сдвинул брови, но долго сердиться на такую красавицу не мог, голос его потеплел.

– Все возможно, женщина. За день мы встречаем более сотни людей, всех не упомнишь. Если его привезли сюда, значит, на то были причины. Какой он из себя? опиши его.

– Среднего роста, узкие плечи. Лицо чистое, открытое, большие карие глаза. Светлые волосы до плеч.

– Ты даже не можешь представить, Мария, скольким людям подходит твое описание. Есть ли в нем что-нибудь особенное?

– Есть! – Мириам едва сдержала волнение. – Он исцеляет людей. Он лекарь.

Терпрасий опять нахмурился. Лицо стало суровым, тяжелый взгляд лег на каменный пол.

– Как его звать?

– Иса, – у Мириам похолодело сердце.

– Я помню этого человека, – центурион поднял глаза, выдержал долгую паузу. Мириам не отвела взгляда, но почти перестала дышать. – Он сказал, что не женат, и семьи у него нет. А ты говоришь: муж.

– Сжался, центурион! – она упала на колени. – Мой муж болен, забывает свое имя и где живет. Если заблудится, не сможет сам найти дом. С ним всегда неотлучно следует слуга. Когда его нашли твои воины, с ним ведь был раб и повозка. Он не бродяга, центурион, и тем более не разбойник. Муж собирал целебные травы. Наша дочь Сарра на днях заболела... Прошу тебя, центурион, заклинаю, отпусти моего мужа!

Терпрасий только покачал головой.

– Не могу, женщина. У меня его нет.

– Где же он? – Мириам попыталась встать, но ноги не слушались, подгибались.

– Лекаря отвели во дворец. Он сказал, что может помочь одному страждущему, который нуждается в его помощи.

– Кто болен во дворце?

– Сын царедворца Исаака.

Мириам облегчено вздохнула, главное, что Иса жив. Конечно, вызволить его из дворца будет сложнее, но и это ей по плечу. Она поднялась с колен, выпрямила спину, расправила плечи и гордо вскинула голову.

– Как я смогу пройти во дворец?

– Никак, – последовал ответ.

– Но должен же быть способ, чтобы я могла увидеть мужа и отвести домой?

– Его не выпустят из дворца, – уверенно сказал Терпрасий.

– Почему? – удивилась Мириам.

– Потому что он вылечил сына Исаака. И теперь тот ни за что не расстанется с хорошим лекарем. Поверь мне, женщина, ты напрасно теряешь здесь время. Твоему мужу оказана большая честь, он будет служить при дворце. Да и показалось мне, что он несильно стремился вернуться домой...

Терпрасий с интересом смотрел на незнакомку. Если бы он был ее мужем, то ни за чтобы не захотел покинуть домашний очаг даже на один день.

Вдруг Мириам встала, распахнула верхний хитон и принялась осторожно развязывать пояс. Она разматывала его вокруг талии, тяжелая ткань медленно спускалась к ногам. Центурион поддался вперед, шея его напряглась, как у тяжеловесного быка. Еще одно плавное движение женских бедер, и он силой привлечет ее к себе.

По страстному взгляду Мириам угадала желания центуриона, и лишь только пояс оказался на полу, ловко увильнула от потных рук.

– Сиди там, где сидишь, центурион. Иначе я позову стражу, – она приказывала.

Терпрасий от такой наглости слегка оторопел, потом улыбнулся и решил не мешать смелой женщине, которая все больше увлекала его, заманивала в сладостные сети.

– Здесь пятьсот золотых монет, – Мириам кивнула на пояс. – Хорошая цена, центурион. С этими деньгами ты приумножишь свое состояние, если выгодно ими распорядишься. Соглашайся на мое предложение, и никто не узнает об этом, клянусь тебе.

– Не меня ли ты покупаешь, красавица? – широкая самодовольная улыбка расплылась по потному лицу.

Мириам покачала головой. О, могущественная Исида, и этот туда же.

– Нет, это плата за моего мужа.

– Зачем он тебе, женщина? Тщедушен, слаб, еле стоит на ногах, а взгляд как у побитой собаки. Всего боится, каждого шороха. Разве это мужчина? Выбери меня, Мария, – серьезно предложил центурион. – Не пожалейшь. Я отвезу тебя в Рим. Он понравится тебе больше, чем вся эта голая пустыня. Поверь мне, Рим умеет удивлять!

– Я знаю, что такое Рим, центурион, и не понаслышке. Верни мне мужа.

– Вижу, ты непреклонна, женщина, – Терпрасий горько ухмыльнулся, вздохнул и еще раз оглядел ее с ног до головы. – Ну, что же я попробую тебе помочь.

Он наклонился, потянулся за поясом и, ощутив тяжесть зашитых монет, удивленно вскинул брови. Она не обманывала, судя по весу, здесь спрятано целое состояние.

– Хорошо, женщина. Неподалеку от дворца есть постоянный двор Маруфа, жди у него. Я попробую что-нибудь разузнать о твоём муже и придумаю, как вызволить его из покоев Исаака.

– Я буду ждать возле ворот, центурион. Не забудь про меня.

Мириам резко развернулась и быстрым шагом, почти бегом, покинула колоннаду. Страже сама отдала приказ вывести ее из дворца.

– Таковую не забудешь, – задумчиво вымолвил Терпрасий и медленно намотал пояс на запястье руки.

Все, что Мириам удалось узнать об Исе, она сразу рассказала Ферхату. Решили ждать до вечера, а если понадобится то и до утра, но не на постоялом дворе, а возле стен дворцовой ограды, расположившись подальше от главных ворот, чтобы лишний раз не привлекать внимания римлян. Несколько раз ворота открывались и закрывались, мимо проносились отряды легионеров, менялись посты, доставлялись новые партии задержанных на дорогах Галилеи, громыхали повозки с провиантом.

Весь день Мириам ждала, что вот откроются ворота и выйдет Иса. Она мечтала, как кинется к нему навстречу, как обнимет его крепко-крепко и никуда больше не отпустит. Но наступил вечер, а центурион не объявлялся. Появился он только за полночь, уставший, злой, измотанный долгой дорогой.

– Ты ждешь, женщина? – спросил, улыбаясь, Терпрасий, увидев стройный силуэт возле каменной ограды.

Она первая подошла к нему. Широкоплечая фигура центуриона глыбой возвышалась на исполинском скакуне.

– Ты привез моего мужа, центурион? – Мириам нечаянно схватилась за стремяна, конь дернулся, шархнулся в сторону.

– Осторожно, Мария, – Терпрасий успокоил коня, быстро соскочил на землю. – Он может изувечить тебя, женщина. Это боевой конь. Давай отойдем подальше.

Мириам старалась держаться как можно спокойнее, но, не заметив Исы среди людей центуриона, она нервно затеребила край накидки, накручивая на тонкие пальцы бахрому каймы.

– Где он? – вопрос прозвучал слишком резко и прямо.

– Его нет во дворце, Мария, – гранитной скалой Терпрасий склонился над женщиной, готовый раздавить своей тяжестью. Он был спокоен и терпелив.

Мириам не отступила, только запрокинула голову, чтобы лучше видеть лицо центуриона, и вызывающе смотрела на него. В ее глазах сверкали звезды и отражалась луна. От нее исходил запах горького миндаля, он щекотал ноздри и кружил голову. Терпрасий вдыхал опьяняющий запах полной груди. Весь день он думал только об этой женщине, она не шла у него из головы. И сейчас, встретив ее вновь и находясь так близко, он, старый боевой ветеран римских легионеров, не смог сдержать бешеных ударов сердца, рвущегося из мощной груди.

– Его нет во дворце, Магдалина, – повторил он еще раз. Терпрасий говорил тихо и ласково, едва сдерживая дыхание от волнения.

– Кто? – удивилась Мириам. – Почему Магдалина?

– Потому что ты из Магдалы. Твое имя Мария Магдалина. Оно больше подходит тебе. Разве нет? Такое же звучное, как пение райских птиц в саду моей матери. Твои волосы пахнут розовой водой, как те цветы, что там растут. Волшебный сад далеко отсюда, но я надеюсь, что когда-нибудь ты увидишь его.

Мириам растерялась. Она не знала, что ответить.

– Тебе не нравится имя, Магдалина? – Терпрасий улыбался только глазами, лицо оставалось серьезным. Склоняясь над женщиной все ниже и ниже, он чуть слышно прошептал. – Я целый день придумывал его. Я больше ни о чем и думать не мог...

Мириам опомнилась, отступила назад, но споткнулась о камень и чуть не упала. Центурион успел удержать ее за руку и слишком сильно сжал локоть. Она вскрикнула от боли. В шаге от них возникла фигура Ферхата. Под полой халата он сжимал острый кинжал.

– Все в порядке, моя госпожа? – поинтересовался купец.

– Да, – ответила Мириам, не сводя с центуриона глаз. – Где он? – тихо повторила вопрос.

Терпрасий колебался некоторое время, затем с сожалением отпустил ее руку, выпрямился и расправил широкие плечи.

– Его отвезли во дворец Ирода Антипы как подарок. Царедворец Исаак любит выслуживаться перед сильнейшими. Хитрый человек. Ты опоздала на один день, Магдалина. Боюсь, что больше я ничем не смогу тебе помочь. У царя иудеев своя стража. Во дворце Ирода я никого не знаю.

Центурион подошел к коню, отвязал от седла завернутый в ткань пояс Мириам.

– Возьми, женщина. Это еще понадобится тебе, если, конечно, ты не передумала, – он ждал ответа.

– Нет, не передумала, – Мириам приняла пояс, передала Ферхату.

Терпрасий вскочил в седло. Густая темнота мешала ему последний раз рассмотреть красивое лицо. С обидой и нескрываемой горечью в голосе он произнес:

– Удачи тебе, женщина. И запомни, твое имя – Мария Магдалина!

Когда в ночи смолкли глухие удары копыт и тяжелые ворота дворца с грохотом закрылись за отрядом центуриона, Мириам, вытирая украдкой слезы, побрела к повозкам. Она опустила голову возле костра, где ее ждала служанка, и закрыла лицо руками.

– Что он сказал вам, госпожа? – Руфь присела рядом. – Куда он отвез вашего брата?

– Брата? – Мириам вспомнила, что всем слугам в доме рассказали об Исе как о двоюродном брате. – Да, брата... Он во дворце Ирода. Что мне делать, Ферхат?

– Ничего, – купец спокойно располагался возле костра на ночь под открытым небом. – Переночуем здесь, до рассвета уже недалеко. А рано утром отправимся в Тивериаду. – Он задумался. – Не расстраивайся, луна моя. Мы найдем его. Обязательно найдем. Слово даю тебе, женщина.

8.

Под вечер следующего дня отряд Ферхата прибыл в Тивериаду. Это был небольшой город, построенный Иродом Антипой, непохожий на другие города Иудеи. Ирод основал его на месте древнего кладбища, показывая своему народу и всему миру, насколько он далек от предубеждений и старого суеверия. Но набожные иудеи обходили Тивериаду стороной и кроме страха ничего не испытывали. Любою, кто входил или въезжал в город, удивлялся широким, чистым улицам, вымощенным из белого камня. На площадях струились голубые фонтаны, беломраморные статуи под открытым небом украшали перекрестки улиц. Созданный на берегу Геннисаретского озера и окруженный с одной стороны водной гладью, с другой город восходил в прозрачное голубое небо, которое еще не успели закрыть кроны молодых деревьев. Имелся здесь и театр, и общественные бани, а еще форум и, конечно, базар, поражающий своей чистотой любого приезжего торговца.

Но самой главной достопримечательностью удивительного города считался сам дворец Ирода Антипы. Людская молва приписывала ему небывалые размеры и чрезмерную роскошь. Говорили, что иудейский дворец превосходил дворец самого императора Тибериуса. На базаре люди из уст в уста передавали, а может быть, и сильно приукрашивали описание убранства комнат и мебели, на которые Ирод не поскупился потратить целое состояние. Поборы и налоги он сдирал со своего народа больше, чем римский наместник вместе с первосвященниками. Но стены дворца были высоки, ворота не на миг не оставались без охраны, проникнуть вовнутрь незамеченным казалось невозможно.

На постоялом дворе Ферхат первым делом позаботился о людях и лошадях, велел разместить на ночь повозки подальше от выезда со двора, проверил сохранность груза. Договорился с хозяином о затратах и еде, распорядился подать ужин для Мириам в ее комнату. Когда он робко вошел к ней, то застал за выбором самой скромной накидки.

– Куда ты собралась, моя госпожа? – купец осмотрел накрытый для ужина стол. К еде никто не притронулся.

– Во дворец, – ответила спокойно женщина и продолжила наряжаться.

Ферхат тяжело вздохнул, размотал с горячей головы хлопковый платок и присел на тахту. И что за наказания с этой строптивницей!

– Сядь, Мириам, и послушай сначала, что мне удалось узнать у хозяина постоялого двора.

Она в нерешительности застыла на пороге.

– Да сядь же, говорю, женщина. О, Боги милосердные, дайте мне терпения. Своим упрямством ты все испортишь. Прodelали долгий путь без остановки, чуть не загнали лошадей. Да, что лошади, люди валяются с ног от усталости. Госпожа моя, сядь, прошу тебя. Дай пожилому человеку перевести дух, выслушай меня.

Она повиновалась, присела на низкий стул, со стола взяла гроздь белого винограда, отщипнула сочную ягоду. Ферхат смягчился.

– Вот и умница. Поешь лучше, выпей вина. Не хочешь вина, выпей воды. В этом городе очень вкусная вода, Мириам.

– Почтенный Ферхат, что ты хотел сказать мне? Что тебе удалось узнать? Сразу говори: Иса мертв?

– Да что ты, женщина. Почему мертв? Пусть боги даруют ему долгие и счастливые годы жизни. Сама напугала меня глупыми вопросами. Про Ису никто ничего не знает.

– Неужели центурион обманул меня? – Мириам поменялась в лице, вся поникла, как сорванный цветок.

– Это я и собираюсь выяснить ближе к ночи. Ведь могут же быть срочные дела у бедного торговца тканями, как ты думаешь, луна моя? – и он хитро улыбнулся.

– Что ты задумал, Ферхат? – она подседа ближе. – Как мы попадем во дворец?

– Не мы, не мы, женщина. И даже не докучай своими глупостями. На этот раз я пойду во дворец. Домоправитель Хуза лично знаком мне. Я давно вожу ему лучшие ткани из персидской земли. Жена Ирода сама выбирает себе одежду. Очень красивая, но жадная женщина. Завтра состоится большой пир, уже съезжаются первые гости. Весь город переполошился. Дворцовая кухня заготавливает множество еды, все самое свежее и вкусное скупается на базаре и отвозится во дворец. Ждут самого Пилата. Ирод хочет удивить его не только своим дворцом, но и яствами... Говорят, что пойманный предводитель зелотов, некий Иоанн, содержится под стражей во дворце. Завтра решится и его судьба.

Ферхат смолк, задумался. Усталость последних дней навалилась серой пеленой, тяжестью налила веки. Мириам заметила перемену в его лице. Отбросила накидку, обхватила сторбленные плечи.

– Приляг, почтенный Ферхат, не смущайся. Подложи под голову накидку. Тебе и вправду надо отдохнуть. До ночи далеко. Я побуду возле тебя, посторожу твой сон, а вечером разбуду.

– Твоими молитвами, женщина, твоими молитвами...

Мириам помогла Ферхату удобнее устроиться на тахте, а сама села рядом возле его ног прямо на полу. Расправила складки голубой туники. Золотые браслеты и украшения благоراضно остались дома, только жемчужная нить обвивала непослушные рыжие волосы.

– Как сменяется темная ночь на лучезарный день, так и твою печаль сменит радость, возлюбленная моя, – Ферхат прикрыл глаза и затянул персидские мотивы. – Как отцветает по весне нежный миндаль, так и твоя грусть лепестками спадет на землю, возлюбленная моя. Молю небеса, лишь только алый румянец бархатных щек не потух, лишь только лазурный блеск глаз не угас, возлюбленная моя.

Мириам положила голову на тахту, прислушиваясь к музыке древнего языка, к мелодичной и чарующей поэзии далекой прекрасной земли...

Ферхат вернулся из дворца уже глубокой ночью. Мириам ждала его, спать не ложилась и с порога приметилла довольный вид, лукавую улыбку.

– Нам повезло, Мириам, – купец важно вышагивал по ковру, восторженно сотрясая руками. – Этот пир Ирод решил устроить вовремя. Хуза заказал к утру сто локтей полотна и столько же парчовой ткани, чтобы украсить стены и колонны большой залы.

– Где же взять столько ткани? – изумилась Мириам.

– Скупим завтра весь базар. Надеюсь, Хуза не охотник гулять по местным лавкам... про Ису тоже узнал, луна моя.

– Где он?

– Во дворце! Центурион сказал правду. Исаак привез его, чтобы показать Ироду Антипе и похвастать, какого удивительного лекаря ему посчастливилось найти. Пока жена Хузы провожала меня до ворот, только о нем и говорила. Видно, он покорила и ее сердце, – Ферхат внимательно посмотрел на женщину.

Легкая тень набежала на бледное лицо, на лбу залегла тонкая морщинка. Ферхат нежно коснулся мягкой щеки.

– Не расстраивайся раньше времени, луна моя. Завтра пойдешь со мной во дворец. Один я не справлюсь. Будешь моей племянницей, Мириам.

Утром две широкие повозки въехали во дворец. Пока слуги на заднем дворе разгружали тяжелые тюки, Ферхата вышла встречать жена домоправителя Хузы.

– Я Иоанна, – представилась она.

Внешность ее не понравилась Мириам, за приветливой улыбкой чувствовалось холодное высокомерие, а черные глаза Иоанны смотрели пристально, почти не моргая, пронизывая собеседников недоверчивым взглядом. Почувствовав себя загнанной ланью, Мириам плотнее

запахнула на высокой груди скромную серую накидку, так настойчиво предложенную заботливым Ферхатом.

– Муж сейчас выполняет последние указания Ирода, – снисходительно пояснила Иоанна, пристально рассматривая скромный наряд гостя. – Вам придется подождать, пока он освободится и сам рассчитается с вами, уважаемый Ферхат. Могу предложить дожидаться его внутри наших комнат.

– У меня просьба к вам, почтенная Иоанна, уж не откажите, – купец склонился в низком поклоне. – Как бы нам увидеть лекаря, о котором вы так любезно поведали мне вчера, госпожа? Моя племянница больна давним недугом. Мы надеемся только на его помощь.

– Повидать лекаря? – удивилась Иоанна. – Его содержат в нижних комнатах. До начала пира царедворец Исаак не велел его выпускать. Но я приношу ему еду и вечерами разрешаю прогуляться по саду. Он вылечил моего сына.

– Наша благодарность будет безмерна, госпожа, – и Ферхат незаметно вложил в ее руку бархатный мешочек.

Его тяжесть полностью подтверждала обещание щедрого купца. Иоанна удивилась открытому подкупу и высоко вздернула подбородок, но предусмотрительный Ферхат поспешил заверить на словах.

– Если проведете нас к лекарю, получите второй мешок с монетами, но в два раза тяжелее.

Его расчет оказался верным, жена домоправителя поспешила спрятала кошель за широкий пояс, вышитый дамасским бисером, и оглянулась через плечо. Под тенью низкого каменного балкона не было ни души, через открытые двери слуги Ферхата вносили пестрые рулоны.

– Я проведу вас к нему, но только кого-нибудь одного, – наконец согласилась она.

– Я пойду, – Мириам решительно выступила вперед.

– Хорошо, следуй за мной.

Они пошли узким коридором, пустой атриум миновали почти бегом и снова вошли в длинный коридор. Иоанна шла быстрой походкой, ее мягкие сандалии ступали бесшумно. Мириам тоже принаоровилась к спешной ходьбе, едва попевала. Через решетчатые окна под самым потолком неслись запахи жаркое и громкие крики. Они шли рядом с кухней. Мириам пыталась запомнить расположение и чередование коридоров, через которые надеялась вывести из дворца Ису. Но после третьей по счету двери, когда они спустились вниз по мраморной лестнице, по соседней галерее прошла дворцовая стража, а два охранника встретили их внизу лестницы. Иоанна что-то короткое шепнула одному из них, и скрещенные копья разомкнулись. Мириам забеспокоилась.

– Как же мне выйти потом из дворца?

– Никак, – последовал ответ. – Тебе не выбраться отсюда. Нужно иметь ключ. Я выведу тебя, когда окончится пир. Ты же хочешь излечиться... или нет?

Мириам замешкалась с ответом, а Иоанна заподозрила неладное.

– Зачем тебе лекарь? Ведь ты не больна.

Жена домоправителя остановилась перед дверью и прежде чем открыть ее, внимательно посмотрела на молодую женщину. Та смущенно опустила взгляд.

– Пять лет я не могу зачать ребенка, – выдавила Мириам, заливаясь алым румянцем. – Муж пригрозил вернуть меня родителям, если к концу года я не рожу сына.

– Похотливые жеребцы, – Иоанна презрительно усмехнулась. – Я сочувствую твоему горю, но если ты решилась довериться мужчине... надеюсь, этот лекарь поможет тебе.

Она быстро открыла широкую дверь, впустила Мириам и тут же закрыла ее на ключ.

В просторной комнате почти не было мебели, только постель на тюфяке прямо на выметенном полу и узкая скамья вдоль беленой стены. Иса сидел в лучах утреннего солнца. Они проникали сюда из квадратного окна под самым потолком, а в золотом потоке плавно кружили пылинки, опускаясь все ниже и ниже на его макушку, плечи, руки. Он пытался читать развер-

нутый пергамент, водил по нему указательным пальцем, что-то шептал губами и на вошедшую тень даже не взглянул.

Мириам устало прислонилась к шершавой стене, склонила голову. Она нашла его! Нашла! Вдох несказанной радости вырвался из стесненной груди, долетел до него и был услышан. Недоуменный взгляд сменился раскаянием.

– Мириам, – прошептали его губы. – Мириам, – повторило его сердце.

Она бросилась к нему, упала на колени и обняла за ноги. Счастливые слезы застилали глаза, но чтобы не разрыдаться, она до боли прикусила губу. Накидка соскользнула на пол, а теплая рука легла на голову, нежно поглаживая извилистый водопад рыжих прядей.

– Где же ты так долго была? – спросил Иса.

– Я искала тебя, – Мириам прятала глаза, вытирая слезы краем накладки.

– Нашла?

– Нашла.

Он нагнулся к ее лицу, привлек к себе и расцеловал заплаканные глаза, вытер слезы. И вот она уже смеется звонким смехом, гладит его мягкие руки своими ладонями и робко заглядывает в большие карие глаза.

– Больше не уйдешь?

– Нет, не уйду.

– Обещаешь?

– Обещаю.

Только быстро прошла ее радость.

– Нам не выйти отсюда. Кругом стража, двери заперты на ключ. Иоанна велела ждать вечера.

– Ты знакома с этой женщиной? – Иса помог ей подняться с колен, усадил рядом на скамью.

– Ферхат знает ее. Он и помог отыскать тебя.

– Благородный Ферхат, – задумчиво произнес Иса, отстраняясь от горячего женского бедра. – Не сыскать тебе, Мириам, друга преданнее, чем он.

– Твоя правда, – согласилась она, придвигаясь ближе, в страстном порыве сжимая ладони. – Но я пришла за тобой, а попала в клетку.

– Мы выйдем, – спокойно ответил Иса.

– Когда?

– Вечером... Сегодня вечером здесь будет пир, Мириам, и прольется невинная кровь. – Иса замолчал, лицо исказилось мучительной болью. – Но сделать уже ничего нельзя. Слишком поздно. Нам нужно дождаться вечера.

Женское сердце затрепетало от странных слов. Но рядом с ним она не чувствовала страха, все тревоги последних дней растаяли в нежной улыбке, в радостных глазах, весь мир перестал для нее существовать, теперь весь мир был в нем.

Положив уставшую голову ему на плечо, и тихо напевая старую песню из далекого детства, Мириам не заметила, как заснула, а когда открыла глаза, приближался вечерний закат. За темным окном слышалась звонкая трель. Какая-то пичуга порхала в зарослях раkitника, защищая гнездо от любопытной кошки. Иса крепко сжал ее руку, и почувствовала Мириам, как нависла в сумраке гнетущая тишина. Его лицо она едва различала. Он был погружен в раздумье, не моргая, прямо смотрел перед собой. Ничего не спросила у него Мириам, а когда открылась дверь, вздрогнула от неожиданности и прижалась к его боку. На пороге в белом хитоне стояла Иоанна.

– Вам нужно идти, – женщина сделала шаг вперед, и силуэт выплыл из желтого факельного света коридора. – Стражники спят беспробудным сном. Вы спокойно пройдете по саду к западным воротам. Там вас ждет Ферхат. Идите.

– Ты не смогла помочь ему? – вопрос Исы прозвучал неожиданно. Но от его ласкового взгляда Иоанна смутилась и отвела глаза. Только покачала головой. – Это не твоя вина, женщина. Не вини себя. Но помни, по заслугам и воздастся каждому. Ты же хотя бы попыталась...

– Идите, – повторила Иоанна, еще ниже опуская голову.

Мириам показалось, что между Исой и женой домоправителя имелась какая-то тайна, какая-то невысказанная договоренность, которой они следуют по обоюдному согласию и совершенно бескорыстно. Подземным холодом задуло в приоткрытую дверь, и крепче сжав руку Исы, Мириам потянула его за собой. Надо торопиться!

Но в коридоре не было ни души. Никто не остановил их, никто не окликнул, не преградил дорогу. Откуда-то лилась музыка, били барабаны, слышались восторженные мужские крики. И Мириам показалось, что через все эти звуки она услышала два слова: «Снимай все!». Она еще крепче сжала руку Исы и, не оглядываясь по сторонам длинного коридора, сбивчиво считая повороты, натываясь на запертые двери, наконец, вывела его на залитую лунным светом террасу сада. Ночная прохлада овеяла и охладила разгоряченное лицо, глаза привыкали к темноте. Вдоль дорожки изредка горели факелы, сохраняя первозданный мрак ночного сада. Мириам засомневалась на распутье двух дорог из мелкого ракушечника.

– Нам направо, – повел ее уверенно Иса. – Я гулял здесь последние две ночи. Западные ворота направо.

Из-за кустов жасмина послышалось громкое кошачье рычание. По спине Мириам пробежал холодок, она прижалась к Исе, и он нежно обнял стройный стан.

– Не бойся, это гепарды.

– Кто?!

– Очень красивые животные. Нас они не тронут. Не бойся.

Они осторожно прошли мимо кустов. Рычание стихло. Дальше только луна освещала протоптанную тропинку между зарослями олеандра. Поплутав по кипарисовым аллеям, минуя огромные пальмы и живительный фонтан, они вышли из сада на открытое место, где полусонные возницы ожидали окончание пира. Скопление повозок, лошадиное ржание и протяжные крики ослов напоминали базар в праздничный день.

Впереди виднелись ворота, яркий костер горел в огромных факельных чашах возле стены. Стража о чем-то весело разговаривала, слышались шутки и смех. Знакомой показалась Мириам повозка возле плотных зарослей самшита, и голос Ферхата долетел от правой чаши костра. Ступая бесшумно по укатанному белому песку, Мириам повела Ису прямо к повозке.

– Хвала Яхве! – встретил их Яруф. – Заждались вас, госпожа, все глаза проглядели. Наконец-то, вы отыскались, господин. Можно ехать домой.

Он помог Исе укрыться на дне повозки, а Мириам уверенно направилась в сторону ворот.

– А, вот и моя племянница! – заметив ее, Ферхат вознес руки к небу, прошептал благодарность богам. – А я стражу развлекаю, возле огня греюсь. Нашла свою сережку, которую утром потеряла?

Мириам молча кивнула головой.

– Тогда пора в путь отправляться. Загостились мы тут. Выпускайте мою повозку, – громко крикнул купец полупьяной страже и взял дрожащую женщину под локоть. – За поворотом мои люди, ступай, не бойся.

Повозка с Исой неторопливо выехала за ворота, Мириам пошла за ней, поддерживаемая Ферхатом, и через два десятка шагов, завернув за угол дворцовой стены, увидела вторую приметную повозку. Под раскидистым деревом тихо ожидали всадники Ферхата, как ночные призраки бесшумно застыли лошади. На козлах рядом с возницей сидела Руфь, дрожа от ночного холода. Верная служанка кинулась к хозяйке.

– Хвала милосердному Яхве, вы невредимы, госпожа. Что я только не передумала за целый день. Ушли с рассветом, а уже ночь на дворе. Бедная моя госпожа...

Но Мириам прикрикнула на плаксивую девушку, велела собираться в дорогу.

Отряд покинул Тивериаду тотчас. Спешно гнали лошадей, не забывая оглядываться, но погони не было. До утренней звезды двигались без остановок, по распоряжению Ферхата ради предосторожности сделали небольшой крюк через тисовую рощу, и только там, в глубине, возле тихой заводи среди тенистых деревьев решили остановиться.

– Видимо, никто не хватился нашего лекаря, если за нами нет погони, – сказал Ферхат, поднося Мириам на привале воды. Говорил он тихо, чтобы не разбудить Ису, который всю дорогу крепко спал, не стали будить его и на остановке. – Хотел бы я узнать, как закончился вчерашний пир. Хуза велел через месяц привезти парчу и шелк. Если увижу Иоанну, расспрошу обо всем.

– Она очень помогла нам, почтенный Ферхат. Не мог бы ты отблагодарить эту женщину, когда снова увидишь ее?

– Она с лихвой получила за свою помощь, луна моя. Я отдал ей все твои деньги, – купец подобрал полы широкого халата, присел рядом. – Не беспокойся о ней, подумай о себе. Ты довольна, Мириам? Что-то я не вижу радости на твоём лице, счастливых глаз.

– Я нашла его, – она попробовала улыбнуться, но подобие улыбки только искривило искусанные губы. Всю дорогу что-то давило на грудь, не давало дышать. – Я нашла его.

Мудрый Ферхат увидел в печальных глазах то, что она не могла осознать разумом, а женское сердце уже почувствовало роковой путь, на который бесстрашно ступала изящная ножка в позолоченной сандалиии – горькое счастье, безысходную надежду, потерянную веру. Тяжелый, тихий вздох замер в измученной груди верного Ферхата. Никогда не поймет он тайну женского сердца, секрет женской души. Никогда...

9.

После возвращения Иса принялся за лечение маленького Якова. Приготовленное снадобье втиралось им собственноручно в поясницу ребенка утром и вечером. Каждый день Иса переносил его на руках в маленькую комнату, специально отведенную для лечения на первом этаже хозяйского дома, и закрывался с ним наедине. Входить туда кому-либо строго запрещалось. Мириам всеми силами старалась проявить заботу и участие, простаивая часами под дверью в надежде, что ее позовут, но Иса ничего не просил, ничего не требовал.

Ночевать рядом с ее спальней на верхнем этаже дома он сразу отказался.

– Людские языки длиннее змеиных, – проговорил он, смущенно пряча улыбку.

Мириам, недолго думая, предложила ему поселиться в просторных комнатах на первом этаже. Но и от них он любезно отказался.

В небольшой пристройке под лестницей, ведущей на второй этаж дома, Иса обнаружил кладовые для хранения зерна и амфор с маслом. Комнатушки были настолько малы, что измерялись тремя шагами в длину и двумя в ширину, но понравились сухостью, выбеленными стенами и двумя оконцами, смотрящими на закат. Их-то он и попросил у Мириам. В одной спал и отдыхал вечерами, в другой – с отдельным входом со стороны двора – занимался лечением Якова. А ночами Иса любил гулять по саду, сидеть под раскидистой кроной тутовника во внутреннем дворе и подолгу смотреть на звезды, наслаждаясь прохладой и тишиной. Однажды Мириам спросила его:

– Что ты ищешь среди звезд, Иса?

Он незаметно улыбнулся, долго молчал, затем ответил.

– Свою душу, Мириам.

– Разве твоя душа там? – удивилась она. Станным показался Мириам такой ответ. – Ведь ты здесь, со мной.

Иса ничего не ответил, только молча продолжал наблюдать за небом.

После возвращения он не изменился. Все также молчал, улыбался, о чем-то подолгу думал и временами растерянно оглядывался по сторонам, словно обнаруживал себя здесь впервые и не знал, как он тут оказался. В доме со всеми говорил тихо, почтительно, никогда ни с кем не спорил и не повышал голос. Если ему что-то требовалось на кухне или в хозяйской части, всегда долго извинялся за беспокойство и просил об этом Есфирь. Ел он только вместе с Мириам, но не спеша, через силу, будто никогда не испытывал чувство голода или вовсе не хотел есть. Он любил козье молоко, ел рыбу, персики, но вина не пил никогда.

Одно только огорчало Мириам: она замечала, что он тяготился ее присутствием. Находясь возле нее, он всякий раз старался сгладить как бы возникающее напряжение, пытался завести разговор, рассказать что-нибудь. Но каждый раз так и не мог довести до конца начатый рассказ, путался, сбивался и совсем замолкал. Одно ему нравилось несомненно, и она это почувствовала – сидеть неподалеку и часами наблюдать, как ее узкие пальцы нанизывали жемчужины на прочную нить, как ловко они поддевали иглу через ткань и тянули ее из вышивки узора, как умело раскрашивали глиняные плоски и блюда. Приметив Мириам за работой, он невдалеке находил себе место, садился со своими пергаменами на скамью, незаметно любовался ею и молчал. Всего лишь однажды заметив ее лукавый взгляд, Иса смутился и нерешительно проговорил:

– Ты очень красивая женщина, Мириам.

От неожиданности она уколола палец, упустила иглу и не нашлась, что ему ответить. Но Иса тут же встал и быстро вышел из комнаты.

Однажды рано утром на кухню явился Яруф. Он долго переминался с ноги на ногу у самого порога, пока Мириам украшала головку Сарры яркими лентами, вплетая их в непослушные черные завитки волос. Наконец она заметила слугу.

– Что, Яруф? Что тебе?

– К вам опять пришла вдова Марфа, госпожа. Ждет у ворот.

– Пусть проходит сюда. Почему ты ее не привел?

– Не хочет, госпожа, – возмутился Яруф. – Говорит, дальше ворот шага не ступлю. Что мне делать, госпожа, прогнать ее?

– Зачем? – удивилась Мириам. – Я сама к ней выйду. Отведи Сарру на птичий двор. Она хотела посмотреть новых цыплят.

Возле ворот хозяйку встретила высокая, худая женщина в черном хитоне и траурной накидке. При виде Мириам она склонилась чуть ли не до земли и хотела поцеловать ей руку, но та не позволила, спрятала за спиной.

– Яхве с тобой, Марфа, – Мириам заговорила тихо, прикрывая створку ворот за вдовой. – Я тебе не госпожа, чтобы ты мне руки целовала. Тебя никто не видел возле моего дома?

– Нет, Мириам. Я прошла через рощу объездной дорогой, так же и вернусь.

– Хорошо. Почему в дом не вошла? Кого боишься?

– Не сердись, Мириам, но лучше, если твои слуги меня не увидят. Меньше сплетен будут обсуждать на базаре.

Мириам потянула вдову за рукав в сторону конюшен подальше от любопытных глаз. Там в углу двора у колодца их никто не увидит.

– Опять сплетни. Кто их разносит? Иуда?

– Ты знаешь про Иуду? – Марфа перешла на шепот.

– Ферхат предупредил меня. Его люди следят за ним днем и ночью.

– Хвала Яхве! Хоть кто-то может заступиться за тебя, Мириам.

– Что же говорят обо мне люди?

– Разное, – Марфа потупила взгляд.

– Я знаю, – кивнула головой Мириам. – Но ты же в это не веришь?

– Нет. Я знаю тебя с детства. Ведь ты моя лучшая подруга. Помнишь, как мы играли возле родительского дома, катались на ослице, забрасывали сопливых мальчишек гнилыми персиками? Ты никому спуска не давала. Хорошие были времена, – она помолчала. – Я не верю этим наговорам. Но люди обозлились на тебя, даже женщины. Будь осторожнее. Сегодня все говорят о мужчине, который живет в твоём доме... Я не хотела тебя расстраивать, – поспешно добавила гостя, увидев, как омрачилось после ее слов лицо Мириам.

– Зачем пришла?

– Закончился бальзам, но я не хотела тебя беспокоить. Но вчера боли замучили.

– Не переживай, – Мириам сжала холодные вдовьи ладони. – Я приготовлю тебе лекарство. Приходи завтра поутру. Бальзам будет готов.

Женщины простились. Хозяйка выпустила гостью за ворота, закрыла засов.

Иса сидел в тени тутовника и растирал травы в глиняной плошке. Казалось, был сосредоточен на своем занятии и ничего вокруг не видел. Мириам захотелось подойти и присесть рядом.

– Кто это женщина? – поинтересовался Иса.

– Какая женщина?

– Та, – он кивнул в сторону закрытых ворот.

– Это Марфа. Мы знакомы с самого детства.

– Она вдова?

– В прошлом году на озере утонул ее муж, рыбак. Теперь живет одна, детей нет.

– А чем она занимается? – последовал следующий вопрос.

– Ничем. Берется за любую работу, – Мириам не хотела говорить, что последние месяцы она регулярно приносила вдове деньги на пропитание. В благодарность Марфа вышивала ей праздничные накидки. – В детстве мы много играли с ней в разные игры. Детство давно прошло, а боль осталась...

Она задумалась. Для ливанского бальзама нужна фиалка. Где найти ее посреди лета, если солнце выжгло все до былинки? Может, в саду возле пруда остались зеленые листочки.

– Пусть она завтра придет. Я посмотрю ее, – продолжая растирать травы, Иса заметил неуверенный взгляд и добавил. – Этой беде нужно помочь.

Мириам кивнула головой, но не смогла удержаться от вопроса.

– Ты сможешь ей помочь?

– Я сказал, посмотрю, – ответил Иса и улыбнулся.

– А как Яков? Его родители беспокоятся. По ночам мальчик стонет, иногда плачет во сне.

– Я пытаюсь унять боль, но не всегда получается, – Иса отложил плоску в сторону, осторожно коснулся женской руки. – Его боль пока терпима, он справится, а корень мандрагоры уменьшит страдание. Я надеюсь, в следующем месяце мальчик сам сможет встать на ноги. Нужно подождать.

– Значит, ты действительно можешь лечить людей?

Иса только пожал плечами.

– Но где ты научился?

– Не помню... Исцеление это вера. Кто желает вылечиться, всегда сможет преодолеть свой недуг. Нужно только верить в себя, а я лишь пытаюсь помочь исцелить душу, в этом мне помогает сам Бог.

– Твоя вера настолько сильна?

– Зачем отказываться от того, что тебе предопределено Отцом нашим? Заповеди просты, и если каждый будет соблюдать их хоть наполовину, мы перестанет бояться завтрашнего дня.

– Скажи, что тревожит тебя, чего ты боишься? – Мириам крепко сжала его руку.

Иса не ответил, только тяжело вздохнул.

На следующее утро Марфа, как и обещала, явилась в дом к Мириам. Иса сам встретил гостью, пригласил в свою комнату. Долго расспрашивал о болях, о домашних заботах, о муже. Он держал ее руку в своих ладонях, ласково смотрел в глаза, а Марфа смущенно прикрывала лицо краем накидки и каждую минуту была готова вырвать руку из теплых и мягких ладоней лекаря.

– Я же самарянка, – твердила она.

– И что? – спрашивал Иса, не понимая ее смятения.

– Ты не должен касаться меня. Иудеи гнушаются даже нашей посуды, воды никогда не станут пить из кувшина, считают грехом.

– Грех не в том, что ты самарянка, – глаза Исы стали печальными, – а в том, что ты сама принижаешь себя передо мной. Не веришь в то, что ты такой же человек, как и я. Чем ты отличаешься от меня? Что живешь в лишении и нищете. Муж твой заботился о тебе, кормил, одевал. Теперь его нет, и ты должна сама заботиться о себе... Твоя боль в тебе, отпусти ее...

Марфа недоуменно смотрела на молодого лекаря, слушала странную речь, но от его широкой улыбки что-то теплело в груди.

– Как мне сделать то, что ты говоришь, господин?

– Я не господин тебе, женщина. И не надо меня так называть.

– Как же обращаться к тебе?

– Иса... На соседней улице, как раз за стеной твоего дома, есть небольшой выступ каменного забора. Люди обходят его стороной, и никто не заглядывает за угол, там тупик. Пройди по этой улице до самого конца, может и найдешь то, что избавит тебя от боли.

Она молчала, давно позабыв о стеснении, даже о боли, которая перестала вдруг беспокоить. Черная накидка с головы упала на плечи.

– Иди, ты здорова, Марфа, – ответил он на ее удивленный взгляд и отпустил руку.

Она быстро вышла, забыв попрощаться.

– Чем ты напугал Марфу? – Мириам не решалась войти в комнату, стояла на пороге.

– Сказал, что она здорова.

Он улыбался. Его глаза светились радостью, а у нее замирало сердце. Как же ей нравились его глаза! Они излучали свет, счастье... любовь, или только показалось...

День сулил быть долгим. Ферхат заехал ближе к обеду, чтобы проститься. Он уезжал к старшему сыну в Иоппу снаряжать торговое судно в Александрию. Тонкие, почти прозрачные ткани из Дамаска поднялись в цене. Прощаясь с Мириам, он не сводил с нее глаз.

– Не знаю, увижу ли тебя снова, луна моя, но всегда буду надеяться на следующую встречу. Не отцветай раньше времени, роза моя. Не роняй свои бархатные лепестки на песок, роза моя. Не расточай свой аромат понапрасну. Благоухание и красота твоя не нужны червецу. Только влюбленный соловей поутру сможет любоваться тобой, роза моя...

Мириам провожала купца до ворот.

– Если я буду тебе нужен, моя госпожа, сообщи Араису. Он остается смотреть за домом и торговать в лавке.

– Нет, почтенный Ферхат. Я больше не потревожу тебя.

– Твоими молитвами, женщина. Твоими молитвами...

Он уехал. Мириам сама закрыла за купцом ворота и не почувствовала боль утраты, ее сердце не устремилось за ним. Оно промолчало.

Вечером слуги накрыли стол на верхней террасе, с которой виднелась гладь озера. Лодки плавно скользили по черным волнам, рыбаки после тяжелого дня возвращались домой. Когда ветер дул со стороны пристани, в воздухе чувствовался запах вяленой рыбы. Ее развешивали прямо на берегу, покрывали тонкой сетью, защищая от назойливых чаек. Другого промысла в Магдале не было.

Небо покрылось пестрыми облаками, на ярком голубом пространстве они розовели от заката. Отражая небесную поверхность, озерная вода тоже сделалась розовой. В пестрых сумерках за несколько минут до полного исчезновения раскаленного диска даже разгоряченный воздух стал нежнее и упоительнее. Природа замирала, как будто навсегда прощалась с солнцем. Не было слышно стрекотание цикад, шелеста листьев, пения птиц. Но стоило погаснуть последнему лучу заходящего солнца, как быстро наступала ночь, поглощая последние краски, отмирала природа, появлялись звуки, шорохи. Оцепенение спадало, как невидимые оковы, и жизнь продолжалась.

Иса сидел за столом на террасе и наблюдал, как золотые браслеты нежно звенели на женских руках. Мириам налила из кувшина молока, разложила на блюде вареную рыбу и овощи. Острым ножом сняла жесткую кожицу с нежной мякоти персика, нарезала кусочками и выставила перед ним в серебряной плошке.

К ужину она приделась – белая туника, золотой пояс, волосы сплетены жемчужными нитями в косы и уложены вокруг головы. Широкие браслеты жриц храма Исиды мерцали серебром выше локтя, на запястьях звенели браслеты Венеры. Аромат горького миндаля, исходящий от женского тела, затмевал все запахи ночи.

Завороженный неземной красотой, он молча сидел за столом и ничего не ел.

– Женщин в таком наряде я видел в храмах Греции. Жрицы богов. – Иса задумчиво смотрел на плавные танцующие движения тонких рук. – Сегодня какой-то праздник? – решил он поинтересоваться, когда Мириам зажгла огонь в факельных чашах.

Она загадочно улыбнулась.

– Нет.

Молчание продолжилось. Иса, осторожно вздыхая, смотрел на небо. Свет факелов приглушал свет любимых звезд.

– Все это время я хотел спросить, как ты нашла меня во дворце Ирода?

В женских глазах заплескалось счастье.

– Ты разве не знал, Иса? Раньше я и сама жила на Олимпе, а сюда на эту грешную землю спустилась лишь затем, чтобы отыскать на ней тебя.

Улыбка замерла на его лице и через минуту пропала вовсе. Он опустил глаза, лицо застыло неподвижно, отрешенно.

Мириам заметила перемену в его настроении и тут же пожалела о сказанных словах. Сколько дней и ночей она ждала этой встречи, мечтала о тихой беседе, струящейся, словно лесной ручей, о ласковых взглядах и простых нежных словах. Что не скажут губы, то прошепчут глаза. Но сегодня она поторопилась, и в одночасье разрушились хрупкие мечты.

Еда остыла, персики истекли сладким соком. Две запоздалые пчелы, усевшись на край блюда, пили сладкий нектар. И в этот раз он ничего не съел. Мириам накинула на плечи красную кайму и поднялась, чтобы убрать со стола. Лишь на мгновение боль обиды затмила разум.

– Но вернуться назад я уже не смогу, Иса, – тихо добавила она.

Он неожиданно вздрогнул то ли от испуга, то ли от вечерней прохлады. Поднял глаза, и взгляд уколол ее в самое сердце. Большие карие глаза смотрели с тоской и печалью, как будто извинялись за какой-то проступок, который еще не совершен, но обязательно, неизбежно произойдет. И он уже был готов просить у нее прощение за ее же несбыточные мечты. Покаяться перед этой красивой женщиной за ту надежду, которую, может быть, и сам невольно подарил ей. Обхватить руками стройные ноги, прижаться лицом к складкам тонкой одежды, вдохнуть сладкий аромат стройного тела и никуда не отпускать. Не любить ее он не мог! Она заполнила все его существо, сознание, всю душу сковала незримыми оковами и завладела сердцем. Но признаться ей он не решался. Даже ее дом, его уют, окружающая забота и теплота, все нравилось ему, но было пока чужим. Всем этим он пользовался в долг, как будто ненадолго это было дарено ему. И все закончится как раз тогда, когда он уже и сам поверит, что это все его и принадлежит ему по праву: и земля, и дом, и она сама. Как он мог уступить ей, поддаться чувству и жестоко обмануть, когда сам до конца не понимал собственных желаний. Одно он знал наверняка: она уже любила его. Скрыть это было невозможно. Жизненная сила, заложенная в хрупкой женщине, восхищала и пугала одновременно. Он боялся, что эта сила однажды полностью поглотит его, лишив воли и разума. Одиночество прошлой жизни противилось такому напору неизведанной любви, неиспытанной страсти. И все же любовь ее затмила для него все огромное звездное небо. И когда тихими вечерами он выходил во двор смотреть на небосвод, то искал самую яркую звезду, от далекого света которой тихо плакало его сердце и нежилось в нежданно подаренном счастье. Но пока это были только мечты. И он качнул головой, прогоняя их.

Заметив непримиримый жест, Мириам невольно выпрямилась, расправила поникшие плечи. На миг, только на один миг ей показалось, что он скажет «да». Так нежно весь вечер смотрели его глаза, а улыбка блаженства играла на губах. Но встретив немой отказ, она устыдилась высказанных чувств. Впервые увидела в глазах мужчины не желание, а страх перед ней.

– Ты так ничего и не съел.

– Я не голоден, моя госпожа. Позволь мне уйти в свою комнату.

– Иди.

Не торопясь направился Иса к лестнице, но вдруг остановился, захотел вернуться и передумал. Какая-то внутренняя борьба не давала ему покоя, мешала сказать одно единственное слово, а она застыла и ждала.

– Ты красивая женщина, Мириам, – и тихо сошел вниз.

Она выпустила из рук серебряное блюдо, закрыла лицо руками. Ее душили слезы. И Мириам поняла, что они еще долго будут застилать ей глаза, разрывать грудь, и выплакать их нужно сейчас, пока ее никто не видит, чтобы потом больше никогда не стыдиться этих жалких слез. Она тихо зарыдала, стараясь приглушить ладонями невольные всхлипы.

Как привидение на террасу из темного угла коридора вышла Есфирь. Вид ее испугал Мириам, бешено заколотилось сердце.

– Что случилось, Есфирь? Такой поздний час.

– Прости, дочка, – старая кормилица не хотела мешать. – Но тебя спрашивает какая-то женщина. Говорит, что ты ее знаешь.

– Кто она? Имя сказала?

– Сказала, дочка. Иоанна из дворца Ирода...

10.

С того дня как в доме появилась Иоанна, жена домоправителя Хузы, Мириам и вовсе лишилась покоя. Она видела, как взволновал Ису рассказ о казненном Иоанне. Несколько ночей он тайно жаловался ей на кошмарные сны, а снилась ему отрубленная голова. И весь он сник, как подрубленный колосок, опустошенно смотрел вокруг себя и о чем-то тихо разговаривал сам с собою, когда вокруг не было ни души. Подолгу вечерами беседовал с Иоанной, выпрашивая все новые подробности того ужасного пира во дворце Ирода Антипы.

Мириам незаметно наблюдала за ними издали и не находила себе места. Она сомневалась в своих подозрениях и не могла понять, как эта женщина так быстро смогла завоевать его доверие и благосклонность за такой короткий срок. Но вспомнив таинственные взгляды между ними во дворце Ирода, когда Иоанна выводила их из нижних комнат, Мириам окончательно убедилась в своих подозрениях, а именно в том, что эта странная привязанность возникла еще тогда. С каждым днем она чувствовала, как ее возлюбленный отстраняется от нее все больше и больше. Ежедневный ужин на террасе и откровенные беседы были давно позабыты, а чужая незваная женщина заменила ему целый свет.

Случилась так, что Иоанна попросила у Исы защиты и убежище от мужа. Мириамхватило одного его взгляда, чтоб понять – он просил оставить в доме эту женщину. И ей ничего не оставалось, как беспрекословно согласиться. Иоанну она невзлюбила с первого же дня, а та, как полноправная хозяйка, всю заботу об Исе взяла на себя.

Мириам не совсем понимала, как без борьбы и препирательств эта женщина смогла потеснить ее в собственном доме, и что более важно, отстранить от нее человека, в котором она, Мириам, так остро нуждалась. Каждый день Иоанна проверяла на кухне еду для него, убирала комнату, которую обустроила по своему усмотрению, добавив скамьи вдоль стен для посетителей, сама перестирывала его одежду и сшила новый белый хитон с красной каймой понизу. Она даже умудрилась лишить Мириам обязанности помогать в приготовлении лечебных бальзамов и настоек. А по утрам и поздним вечером Иоанна так усердно молилась своему Богу, что у Мириам появилось подозрение насчет ее доброжелательности. Съедаемая недобрыми предчувствиями, она неусыпно следила за гостьей, и в одном все-таки не обманулась...

Все случилось через месяц после появления Иоанны. В обед после отдыха Иса вывел во двор маленького Якова. Мальчик, опираясь на руку своего лекаря, шел маленькими осторожными шагами, радостно осматривался по сторонам. Во двор выбегали слуги, рабы, все обнимали счастливых родителей, поздравляли с выздоровлением сына, желали счастья и долголетия. Мириам шла рядом и придерживала Якова за другую руку, радуясь наравне со всеми. Когда шумные восторги улеглись, и слуги разошлись по делам, она заприметила в тени около колодца фигуру Иоанны. Ее злобный, полный ненависти взгляд так поразил Мириам, что по спине пробежал неприятный холодок, будто предрассветный туман над озерной гладью. Почувствовав с того дня неминуемую беду, она намеренно следила за Иоанной, не спускала с нее глаз.

Однажды ей нечаянно пришлось подслушать странный разговор. Стоя под лестницей и развешивая на просушку лечебные травы, Мириам оказалась возле открытой двери комнатки Исы, откуда доносились громкие голоса.

– Столько иудеев ждут своего Спасителя от римских псов, Иса, – Иоанна говорила твердо, решительно. – Если бы нашелся такой человек, который смог бы сотворить чудо, люди поверили бы ему и пошли за ним.

– Пошли куда? На смерть? – тихий голос звучал в ответ.

Мириам затаила дыхание, чтобы не пропустить ни одного слова.

– В борьбе смерть неизбежна. Нельзя освободиться от гнета кесаря без крови. Но люди уже готовы и на это. Сколько лет мы терпим попрание своих законов, сколько раз нам пытались

навязать чужих богов. Когда же явится мессия, который окажется подлинным страдальцем за свой народ?

Мириам попыталась осторожно заглянуть в дверную щель и смогла увидеть только часть лица Исы. Его собеседница стояла спиной, и разглядеть ее не представлялось никакой возможности.

– Такие люди уже есть. Правда, их немного, Иоанна, – Иса не повышал голоса, его глаза глядели смиренно, ласковая улыбка играла на губах. – И слова их непонятны для простых людей. Они говорят о Боге, а сами далеки от него. Мало посыпать голову пеплом и ходить с язвами в рубищах, нужно уметь достучаться до разума человеческого, до его сердца. Указать путь легко, нужно найти причины, которые мешают нам выйти к этому пути. Наше невежество, слепота, упрямство и стяжательство живет внутри нас. Познай себя, и ты познаешь Бога...

– Так может рассуждать только философ, мудрец, – Иоанна устала от затянувшегося спора. – Сейчас нужен вожак, за которым все слепо пойдут вперед и сломают стену.

– Ты опять судишь людей, Иоанна, как слепых щенят, у которых уже давно забрали кормящую мать, а они все пищат и ищут молочные соски. Нет. Люди не настолько слепы, поверь мне. Я много прошел дорог, был в разных землях, городах, видел множество людей. Их желания просты: семья, домашний очаг, здоровые дети и кусок хлеба на завтрашний день. У богатых, конечно, забот больше... Но уверяю тебя, когда болен ребенок знатного вельможи, он страдает так же, как и бедный ремесленник с рынка. Только за лечение один может заплатить, а другой нет.

– Неужели ты не видишь, – голос Иоанны сорвался на крик, – люди погрязли в алчности, в распутстве, в крови убийств, воровстве. Я, жена богатого царедворца, столько лет прожила в этом страшном дворце и ушла из него, оставив своего мужа, только потому, что поверила тебе...

У Мириам подкосились ноги, рукой она едва успела удержаться за стену дома.

– Твои речи о праведной жизни, Иса, – продолжала Иоанна, – дали мне уверенность в том, что ты именно тот человек, которого ждут люди. Ты мессия, ты нужен своему народу. Твои речи просты, слова понятны даже ребенку. Ты говоришь то, что веками читалось в заповедях, но раскрываешь смысл по-новому. Подумай, скольких ты можешь наставить на правильный путь, скольким ты сможешь дать новую веру в завтрашний день.

– Вера изначально дарована всем, – задумчиво произнес Иса, – каждому. Но не всегда мы можем узреть ее. Вера открывается нам на пороге многих испытаний, лишений, потерь. Нужно перенести невыносимую боль или даже полную утрату, чтобы уверовать, осознать, что эта вера помогает тебе, дает силы и исцеляет больную, страждущую душу. Но она не послана нам Небом, мы не можем дотронуться до нее, спрятать за отворот хитона и носить все время с собой. Она должна быть внутри нас, внутри каждого, – голос Исы стих, и Мириам придвинулась к самому краю двери. – Вера всегда находится в нас. Каждому дарована частица божьей силы, а с ней и вера, только об этом догадываются не все, не многие...

Мимо двери промелькнула фигура Иосифа. Мириам отпрянула от щели и притаилась под лестницей в дальнем углу.

– Время лечение моего сына, господин, – Иосиф замер на пороге, не решаясь войти. – Вы просили напомнить, когда Яков проснется.

Иса спохватился, отыскал на столе нужную склянку с лекарством и молча вышел из комнаты вслед за Иосифом.

Мириам осторожно вышла из своего убежища. Иоанна сидела в углу на скамье и сосредоточено разглядывала свои белые руки. Когда перед ней легла длинная тень, испуганно подняла голову, но увидев хозяйку, лишь усмехнулась.

– Я приняла тебя в свой дом, – тихо заговорила Мириам. Иоанна медленно поднялась навстречу. – Пожалела тебя, поверила слезам и мольбам бедной женщины, которая захотела

избавиться от ненавистного мужа и сбежала от него. Ты умоляла меня позволить остаться здесь, и я согласилась, потому что он попросил за тебя. Столько дней я делила с тобой и пищу и кров. Не отказала в твоём горе, в твоём лишении. Но все ложь. Ты обманула меня. Ты обманула даже его.

– В чем же ты обвиняешь меня? – Иоанна сжала губы. Острый, колючий взгляд впился в соперницу.

– Тебе нужен не дом, не временное пристанище для несчастной скиталицы, тебе нужен он – Иса. Но у тебя ничего не получится, – Мириам остановилась в одном шаге от Иоанны. – Он мой! Только мой. И я его не отдам.

– Он тебе не муж. И распорядиться им ты не можешь. Хочешь запереть его в своём доме и никуда не выпускать. Сколько времени ты сможешь удерживать его возле себя, Мириам, возле своей юбки? Неужели ты ничего не видишь. Ты ему не нужна. Рано или поздно он все равно уйдет.

– Не тебе решать, ведьма, – Мириам едва сдержалась, чтобы не вцепиться в лицо Иоанне. – Я подобрала его посреди пустыни полумертвым, день и ночь ухаживала за ним и вернула к жизни. Я искала его и спасла из дворца Ирода. Он мой, Иоанна, и больше ничей... Ты сейчас же покинешь мой дом.

– Без него не уйду, – оскал волчицы обнажился на женском лице. Больше не было смысла притворяться, одна презрительно смотрела в лицо соперницы.

– Уйдешь, – спокойно отозвалась Мириам. Гнев прошёл, злоба погасла. – Тебе нужен мессия, а он лекарь. На заклятие его не отдам. Ведь ты уже принесла жертву своему Богу...

От этих слов лицо Иоанны посерело. Она схватилась за грудь, словно лишилась воздуха.

– Будь ты проклята, шлюха. Так тебя называют на базаре. Суешь свой нос, куда не надо. Все равно он тебе не достанется. Ты ему не нужна...

Разговор затягивался, спор становился бесполезным. Мириам быстро вышла из комнаты. Оглядываясь по сторонам, прошла через двор в конюшню, где два рослых раба убрали и чистили стойла. При появлении хозяйки они склонились в почтительном поклоне, а Мириам цепким взглядом осмотрела каждый угол. Никого.

– Возьмите мешок, веревки. За мной! Быстро! Вопросов не задавать, – исчезла так же внезапно, как и появилась. Рабы кинулись выполнять приказ.

Когда она снова вернулась в комнату Исы, Иоанна по-хозяйски перебирала какие-то тряпки. Мириам плотно закрыла за вошедшими рабами дверь.

– Мешок на голову. Вяжите ее

Все сделали за считанные секунды. Сильным мускулистым рукам сопротивление было не ведомо. В рот заткнули кляп, связали руки, мешок натянули до самых пят.

– Отнесите в повозку и хорошо прикройте, чтобы ни одна душа не увидела! Понятно?

– Да, госпожа, – последовал ответ. – Утопить в озере?

– Если бы... – Мириам задумалась. – Не надо топить. Отвезите сейчас же в дом купца Ферхата. Передайте ее Араису. Скажите, подарок от меня. Пусть делает, как посчитает нужным, но чтобы эту женщину здесь больше никто и никогда не видел.

Уже вечером она долго ходила по комнате, пытаясь унять дрожь. Но ни капли сожаления, ни крупинки раскаяния в содеянном, ничто не волновало ее. Даже грязное обвинение, брошенное Иоанной, не беспокоило так, как предстоящее объяснение перед Исой. А ведь он спросит, обязательно спросит.

На помощь неожиданно пришла Есфирь. Старая кормилица несколько раз пыталась заглянуть в комнату, но так и не решилась переступить порог. Уже перед ужином Есфирь догадалась подослать маленькую Сарру, и та кинулась на шею любимой Мириам.

– Я соскучилась по тебе, сестренка, – лепетала на ухо Сарра, прижимаясь к женской шее и вдыхая сладкий аромат волос. – Целый день не видела тебя, ты заболела?

– Нет, Сарра, с чего ты взяла?

– Ты такая грустная и совсем не выходишь из комнаты. Есфирь послала меня узнать, как твое здоровье... – она проговорила и запнулась на полуслове.

– Значит, Есфирь? – Мириам опустила ребенка на пол.

– Не ругай Сарру, госпожа моя, – кормилица решила войти в комнату. – Я хотела всего лишь узнать, где накрывать стол для ужина.

– Ужина? – Мириам удивленно подняла брови. – О чем ты говоришь?

Есфирь смутилась, опустила глаза. Она тщательно подбирала слова. Ложь не любила спешки.

– Теперь вы с Исой одни. В обед к Иоанне приезжал гонец из дворца. Ее муж смертельно болен и послал за ней. Она сразу уехала, ни с кем не простилась... Он уже знает, дочка.

Мириам с нежностью обняла сухие плечи кормилицы, прижалась к высохшей груди, как много лет тому назад, шепнула:

– Спасибо.

Есфирь только кивнула.

Ужинали втроем: он, она и Сарра. Девочка весь вечер возилась под столом с новым питомцем, пытаясь накормить неразумного котенка кусочками вареной рыбы. Она так увлеченно играла, что позабыла о еде. Только раз на строгий выговор Мириам курчавая головка показалась из-под стола и снова нырнула обратно.

Она старалась не смотреть в его глаза, только слушала. Весь вечер он много разговаривал, вспоминал прошлую жизнь. Никогда прежде она не видела его таким. Улыбка не сходила с его лица, когда он заигрывал с котенком поясом от хитона и радостно смеялся с Саррой, наблюдая за ее проделками. Только раз их взгляды встретились, и в карих глазах она прочла немой вопрос. Но не было тревоги и сомнения, куда-то подевалась грусть, светлой радостью сияло лицо, словно яркий лучезарный огонь загорелся внутри.

– После того, как Яков стал ходить, моя госпожа, по городу разлетелся слух о его чудесном выздоровлении. Уже пять человек приходили ко мне за последние два дня. Трех я вылечил сразу, а другим придется ждать, пока я изготовлю лекарство. Ты не против, Мириам, что люди будут заходить в твой дом?

Тихая, нежная речь, ласковый взгляд. Он сидел рядом, держал ее за руку, и большего счастья она не желала.

– Конечно, Иса. Помнишь, я обещала тебе, что те, кто нуждается в помощи, обязательно найдут тебя? Ведь так и случилось. Кто приходил к тебе?

– Женщины принесли больных детей, старик с водянкой на голове и двое рыбаков. От работы их руки покрылись незаживающими ранами.

– От чего?

– Думаю, от рыбы. Она заразила кожу. Завтра приготовлю греческий бальзам.

– Я могу тебе помочь?

– Конечно, моя госпожа. Твоя помощь незаменима.

И опять этот немой вопрос. Что ты сделала, Мириам? Зачем?

– Ты говорил, что был в Вавилоне. Расскажи о нем, – изо всех сил она пыталась прямо глядеть ему в глаза и не выдать себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.